

МАРИНА
БОЛДОВА

*Жизнь
взаимно
у смерти*

настоящий семейный роман

Остросюжетный семейный роман

Марина Болдова

Жизнь взаимы у смерти

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Болдова М. В.

Жизнь взаимы у смерти / М. В. Болдова — «Эксмо»,
2020 — (Остросюжетный семейный роман)

ISBN 978-5-04-116333-4

Стоило Лизе обнаружить труп немецкой туристки, которая волей случая стала ее подопечной, как вся понятная, обычная во всех отношениях жизнь круто изменилась. Девушка вдруг поняла, что лучший друг ее обманывает, а с близкими происходит что-то странное. Мама, всегда холодно смотревшая в сторону мужчин, влюбилась, как девочка. И у нее, Лизы, вдруг обнаружились родственники, о которых она и не подозревала. И что со всем этим делать, когда довериться некому, а единственный человек, при виде которого отступают страх и неуверенность, встречается с другой? Тем временем расследование убийства идет своим ходом, и выясняется, что история погибшей немки уходит корнями в далекое прошлое, когда ее отец, офицер Вермахта, в оккупированном Гродно влюбился в местную девушку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116333-4

© Болдова М. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Болдова

Жизнь взаймы у смерти

© Болдова М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*– Кто такие ангелы, бабушка?
– Наши близкие, кого уже забрали небеса...
– Почему же только близкие? А чужие?
– А чужим за нас зачем переживать?
У них свои близкие есть...*

– Ich habe es nicht getan¹, – пожилая женщина произнесла это тихо, на последнем вздохе, но молодой человек, склонившийся над ней, вздрогнул. Он ни на миг не усомнился, что она уже мертва, настолько бледным было лицо и неестественной поза, в которой та лежала на пушистом белом коврике возле кровати.

Он скосил взгляд чуть правее и негромко вскрикнул. Выпрямившись, быстро осмотрел просторную спальню. Задержав взгляд на портьере, медленно, словно раздумывая, развернулся спиной к окну, сделал два шага влево и вновь склонился над телом. Осторожно разогнув пальцы женщины, достал овальный медальон на цепочке, положил в кармашек своей куртки. Покосился на странный предмет, валявшийся рядом с ковриком, аккуратно взял его двумя пальцами и спрятал в рюкзак. Туда же отправил прихваченную с прикроватной тумбочки книгу с вложенной в нее обычной школьной тетрадкой. Более не задерживаясь, быстро вышел из квартиры...

¹ Я не сделала это (нем.).

Глава 1

– Фрау Марта! Вы опять забыли закрыть дверь на защелку! – Лиза скинула в прихожей сапожки, сунула ноги в домашние тапочки и напрямик направилась на кухню. Пакет с продуктами оттягивал руку, она с облегчением опустила его на стул и энергично тряхнула кистью. Конечно, фрау Марта не поняла ни единого слова из сказанного ею, но Лиза собиралась повторить ей все это медленно, переводя жестами и указывая на предметы.

С первого дня знакомства, то есть с субботы, они обе пытались изъясняться, смешивая немецкие слова с русскими, порой запутывая друг друга и расходясь по разным углам, словно боксеры на ринге, улыбками сглаживая возникшую неловкость. Но вчера Лизе пришла в голову отличная идея привести к фрау Марте своего друга Шурку Огорелова, учившегося на инязе в университете. Тот быстро залопотал на немецком, старушка умильно слушала родную речь, иногда прикрывая веки и улыбаясь. Лиза почувствовала себя в их присутствии лишней, а потому ушла на кухню – обедала фрау Марта в одно и то же время, в два часа пополудни. Впрочем, расписание завтраков и ужинов было не менее четким: в восемь ноль-ноль утра и в семь часов вечера.

Соглашаясь заменить штатную горничную в этой квартире, Лиза предполагала, что сможет объясняться с новой гостьей с помощью приложения в смартфоне, но из этого ничего не вышло: она заметила недовольство на лице фрау Марты, лишь только достала телефон из сумки и положила перед ней. Вздыхнув, виновато улыбнулась и пробормотала: «Извините». По-настоящему извинился за нее и объяснил фрау Марте создавшуюся ситуацию с отсутствием горничной, владеющей немецким языком, уже Шурка.

А ситуация и впрямь сложилась неожиданная для всех – для мамы Лизы, как менеджера риелторского агентства, для самой же горничной Ларисы, прикрепленной к квартире, и для, собственно, владельца этой доходной недвижимости Виктора Петровича Шведова, чьей любовницей до недавнего времени, как утверждала мама Лизы, была девушка. Неожиданно один из гостей, снявший жилье на время пребывания в городе, влюбился в Ларочку, не так давно окончившую институт сервиса, спешно женился на ней и увез в родной Краснодар. Ларочка по каким-то причинам не сочла нужным известить Шведова о переменах в своем статусе, уволившись в один день из горничных.

Буквально через неделю желание поселиться в означенных апартаментах на верхнем этаже элитного дома на набережной, из панорамных окон которого открывался шикарный вид на реку и город, выразила немецкая фрау весьма преклонных лет – Марта Эрбах...

Лиза сняла куртку, повесила на спинку стула и открыла холодильник. Молока она, пожалуй, зря не взяла – на полке одиноко стояла початая коробка. Решив, что на утреннюю кашу хватит, Лиза разложила продукты по местам и прислушалась: в квартире царила необычная тишина, хотя в это время фрау Марта была уже весьма активна. Прихватив куртку, чтобы повесить ее в прихожей в шкаф-купе, Лиза еще раз громко позвала гостью. Ответом была все та же тишина.

Позже, когда она пыталась толком объяснить следователю свои дальнейшие действия, ее сознание подсовывало одну и ту же картинку – она зачем-то методично обыскивает тумбочку возле кровати, затем комод и небольшой секретер. Видимо, не найдя искомого предмета, склоняется над телом фрау Марты. И только тогда начинает громко кричать. Успокоившись, уже вполне осознанно набирает номер полиции, а после – мамин.

«Что же я искала?» – Лиза смотрела на шевелящиеся губы полицейского и с трудом понимала, о чем тот спрашивает.

– Лизавета Александровна, о чем вы все время так напряженно думаете? Упустили что-то важное?

– Да... Я, кажется, поняла, что пропало у фрау Марты. Вчера она показывала медальон с портретом какой-то своей родственницы, если я ее правильно поняла, так как немецкого не знаю. Она сняла его с шеи, дала мне в руки, а когда я его вернула, положила вот сюда, – Лиза подошла к тумбочке и указала на небольшую круглую шкатулочку из бересты.

– Какого размера был медальон?

– Сантиметра четыре в длину, овальный, на крышке выгравированы инициалы, как мне показалось. Две буквы типа вензелей.

– Латинские? – полицейский что-то записал в блокнот.

– Нет! Вот, что меня и удивило: буквы были русскими – «к» и «ш».

– Фотография внутри цветная?

– Нет, что вы! Старый снимок, черно-белый, даже желтоватый какой-то. Лицо очень красивое!

– А шкатулка современная...

– А... фрау Марта ее вчера на набережной купила в сувенирном ларьке, там их много разного размера. Эта – самая маленькая.

– Вы сказали, не знаете немецкого. Как же вы общались с фрау Эрбах?

Лиза похолодела. Вот! И не в медальоне дело! Да, он пропал. Или лежит где-то в сумочке немки, не суть важно. А учебник Шурки! Вчера вечером, выходя из спальни, Лиза заметила его на прикроватной тумбочке как раз рядом с этой шкатулкой. А теперь его там нет! Его-то и искала она, пребывая, видимо, в шоковом состоянии и не отдавая себе отчета в действиях. И не нашла... «Шурка?!» – ужаснулась Лиза мысленно, но ответила следователю вполне спокойно.

– Да, в первый день мы изъяснялись с фрау Мартой знаками и жестами, – она мило улыбнулась. – А вчера переводчиком у нас был мой друг Шура Огорелов. Он учится на инязе в университете.

– Как его найти?

– Мы живем в одном подъезде, дружим с детства. Могу ему позвонить, – предложила она, доставая телефон из кармана куртки, которую так и не донесла до прихожей, по пути заглянув в спальню.

– Не нужно. Просто найдите в списке его номер, – следователь протянул руку.

– Пожалуйста, – Лиза, успев открыть список контактов, отдала ему смартфон. – На букву «Ш» ищите – Шурка.

Нажав вызов, следователь внимательно посмотрел на Лизу. Жестом подозревая полицейского, он что-то сказал ему, показав запись в блокноте. Тот быстро вышел из спальни.

Она молча и, как ей казалось, спокойно ждала реакции следователя на фразу «абонент вне доступа», какую, она была уверена, услышит тот в ответ на звонок Шурке. В том, что друг отключил телефон или уже избавился от него, не сомневалась. Как и в том, что Шурка побывал утром в этой квартире до нее...

Глава 2

Старший следователь городской прокуратуры Егор Беркутов² с удивлением смотрел на девушку, до этого момента разговорчивую и вполне раскованную. Но при упоминании имени своего друга та вдруг напряглась и замкнулась. Легко считав нежелание говорить о Шуре Огорелове, как она того назвала, он решил дать ей время самостоятельно осознать мысль, связанную с ним. То, что Лизавета Ведерникова имела что сказать, но боялась озвучить, Беркутову было ясно. Он молча ждал ответа на звонок, но по выражению лица девушки уже понял, что та уверена – ответа не будет.

– Возьмите, спасибо, – вернул он телефон, предварительно списав номер с экрана.

– А? Да... – девушка испуганно посмотрела на него, поморгала, сдерживая слезы, и тяжело вздохнула.

– Наверное, вам лучше все рассказать, Лизавета Александровна, – произнес Беркутов с сочувствием, прикидывая, насколько дорог той парень, которого, он не сомневался, она зачислила в убийцы немецкой старушки.

– Он не мог! – голос сорвался, выдавая волнение, и девушка вновь подошла к тумбочке. – Вот здесь вчера лежал Шуркин учебник немецкого, он забыл его. А сейчас его нет.

– То есть Огорелов, по вашему мнению, был в квартире до вас.

– Да. Или поздно вечером после восьми, или рано утром. Но убить он не мог!

– Почему? – спокойно спросил Беркутов, в общем-то, веря ей.

– Потому что Шурка – ботаник, трус и... он комаров не убивает, а смахивает рукой! – она в отчаянии посмотрела на Беркутова влажным взглядом и вновь часто-часто заморгала.

– Лизавета Александровна, присядьте, – он указал на кровать, а сам опустился на стул возле секретера. Девушка вызвала в нем искреннюю симпатию, чем-то напоминала его приемную дочь Маринку³, по которой скучал отчаянно – та уехала за мужем к месту его службы в небольшой гарнизон под Питером.

– Хорошо. Я вам все расскажу, – решила девушка, а он облегченно вздохнул. – Шурку к фрау Марте привела я. Решила, пусть попрактикуется в разговорном немецком, да и мне легче будет общаться. Он пробыл с ней вчера практически весь день, они гуляли по набережной, даже на такси съездили к драмтеатру и на площадь. Вернулись к ужину довольные оба. Фрау Марта заранее попросила приготовить ужин на троих. Я сделала салат и запекла курицу, нарезала сыр и чиабатту. Фрау Марта много рассказывала о своем поместье где-то в округе Дармштадт, как перевел Шура, о розах в саду, ландшафте, обстановке в доме. Когда я спросила о родственниках, ответила, что это – отдельная история, и сегодня она не готова ее поведать. Показала нам тот медальон с портретом, хотела надеть на шею, повозилась с замком цепочки, что-то у нее не застегнулось, затем отнесла его в спальню. Я сидела лицом к двери и видела, как она положила его в эту шкатулку.

– Почему вы не упомянули об Огорелове, когда рассказывали мне о медальоне раньше, Лизавета Александровна?

– Не знаю! Можете не верить, но мне показалось, что так... проще, что ли – не впутывать Шурку пока. Тогда я еще не поняла, что он был здесь без меня...

– После ужина вы ушли с ним вместе?

– Да. Пешком пошли домой, два квартала вверх по Базарной. И уже у подъезда он вспомнил, что учебник оставил у фрау Марты в спальне на тумбочке. Но не собирался за ним возвращаться!

² Беркутов Егор Иванович – герой романов «Два сына одного отца», «Клетка семейного очага».

³ Марина Голованова – героиня романа «Два сына одного отца».

– Где Огорелов сейчас, как думаете?

– Должен спать! Точно знаю, ему к третьей паре сегодня, а поспать он любит. Может быть, поэтому трубку не берет? – Лиза с надеждой посмотрела на Беркутова.

– Скоро мы все узнаем, – заверил ее Беркутов, подавая планшет с листами протокола опроса. – Распишитесь, Лизавета Александровна. Сначала: «С моих слов записано верно...», число и далее подпись на каждом листе.

«Арест парня – дело нескольких минут, если он, конечно, дома и спит. Хотелось бы верить, что не сбежал по дурасти», – виновность Огорелова казалась сомнительной, слишком было бы глупо так подставляться, забирая учебник.

– Да, слушаю, – Беркутов ответил на входящий вызов. – Понял. Оставайтесь там. Лизавета Александровна, еще пара вопросов.

– Да? – Лиза вскочила с кровати, машинально поправив за собой покрывало.

– Куда, кроме университета, мог поехать Огорелов? Знаете его друзей, подруг, сокурсников? Тех, кому он мог бы довериться.

– Он что, сбежал?! Ой, дурак... Куда? Да, не к кому ему податься, кроме меня! Я же говорю – ботаник! Или в компе сидит сутками, или спит. Ну, еще на лекции ходит.

– Что тут случилось?! Лиза?! – в комнату быстро вошла молодая женщина в сопровождении участкового полицейского, и у Беркутова на миг перехватило дыхание.

– Мамочка! – Лиза бросилась ей на шею и расплакалась.

– Беркутов? Ты как здесь оказался? – она неприязненно смотрела на него поверх плеча дочери, хмурясь все больше.

– Здравствуй, Алена, – Беркутов взял себя в руки. – Исключительно по службе.

– Понятно. А я – куратор договора с хозяином, работаю в агентстве «Ситиленд». Что здесь произошло?

Беркутов перевел взгляд на удивленную Лизу, внимательно вгляделся в ее лицо и все понял. Понял, почему она показалась ему смутно знакомой, даже ужаснулся, что не узнал сразу, не догадался, не почувствовал. Радость, страх, недоумение, обида сменяли друг друга, пока он рассматривал девушку, уже подозрительно косившуюся поочередно то на него, то на мать...

– Твоя дочь обнаружила тело вашей гостьи, – коротко ответил Беркутов.

– Вот как! Ее убили? И кто это сделал? Надеюсь, ты не подозреваешь Лизу? – она вновь обняла ее за плечи.

– Господин следователь считает, что убийца – Шурка, – тихо сказала Лиза, отводя от Беркутова взгляд.

– Кто? Шурик?! Кто угодно, но не он!

– Когда вы, Алена Юрьевна, видели его в последний раз? – перешел на официальный тон Беркутов.

– Рано утром, в семь. Он вышел из подъезда прямо передо мной, я окликнула его, но он не услышал.

– Куда он направился?

– К арке на въезде во двор. Я завела машину, созвонилась с клиентом, что выезжаю по адресу. Он в это время вышел на улицу. Когда двигалась по Вознесенской, Шурку не видела. Хотела предложить подвезти его к университету, мне как раз в ту сторону. Но он, видимо, повернул из арки налево и уже завернул за угол.

– Почему вы решили, что он поедет на учебу?

– А куда еще? В руках у него был рюкзак...

– Ему только к третьей паре сегодня, мам... Да и к первой в семь утра рано!

– Да? – она пожала плечами. – Ну, не знаю. Какие основания имеются, чтобы обвинять парня в убийстве?

– Алена Юрьевна, мне необходимо задать вам несколько вопросов, – не отвечая ей, Беркутов указал на кровать, где недавно сидела ее дочь. – Лизавета Александровна, выпишите мне из вашего телефона все контакты, общие с Огореловым. Есть же у вас друзья, одноклассники?

– Хорошо, – девушка вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Беркутов решил, что не та здесь обстановка, чтобы говорить о главном. Сейчас он опросит Алену по делу официально и без эмоций. Хотя они, эмоции, так и рвутся наружу, чтобы обвинять и упрекать. Или... каяться? Он не сдержался и дотронулся до руки отвернувшейся к окну женщины. Та дернулась, бросив на него злой взгляд.

– Беркутов, оставь эту... фамильярность. Несколько неуместно, не находишь? Задавай свои вопросы, у меня сегодня еще масса дел. Понимаю, что не отделаюсь от тебя, пока не поговорим. Ладно, предлагаю встретиться часов в пять на нейтральной территории. Например, в кофейне на углу Панской.

Он лишь согласно кивнул. Эту страницу прошлого пора было дописать. Закрывать решением еще одной загадки, вспоминаемой хотя и редко, но с болью и недоумением. Ему очень хотелось знать, просить ли прощения или прощать самому, до того нелепо оборвались отношения с Аленой чуть больше двадцати лет назад...

Глава 3

Любопытство не давало Лизе сосредоточиться на подготовке к коллоквиуму. Две более важные темы, чем какие-то там вопросы по римскому праву, тревожили и заставляли нервно подскакивать к окну – не въезжает ли в арку мамина «реношка», либо выходить в коридор – вдруг да хлопнет дверь в квартиру непутевого друга.

Выглядывала в окно она каждые две-три минуты: с такой частотой доносился с улицы хлопотливый звук от колес машин, проезжающих по апрельским лужам. И одновременно пыталась сообразить, куда мог деться Шурка. Ее сосед, друг, почти брат, подопечный. Волшебным образом превращаясь в делового современного юношу, когда в этом возникала необходимость, в быту Шурка не мог почистить картошку, сварить макароны или сосиски, чем бесил ее, Лизу, чрезвычайно. Она пыталась обучить его элементарной готовке, потому как не всегда могла кормить верзилу, просыпаясь раньше его и уезжая на лекции в университет. Ключ от его квартиры лежал в комоде на самом видном месте, в легкой доступности.

Шуркина мама, выйдя замуж и отбывая на жительство в Германию, слезно просила Лизу «присмотреть за мальчиком». У Лизы даже не возникло мысли отказать, она лишь поцеловала на прощание совсем раскисшую тетю Нелли, вторую свою маму и просто подружку, всхлипнув вполне искренне. С кем она сможет поделиться девичьими секретами после ее отъезда, не представляла. Родная матушка для этого никак не годилась – стена непонимания между ними выстроилась как-то сама собой, дистанцию мама соблюдала строго, любя дочь по-своему: безумной любовью к так и не повзрослевшему, по ее мнению, младенцу, требующему лишь заботы и поучений. Считая Лизу несмышлеником (и это в двадцать-то Лизиных лет!), матушка четко отслеживала, завязан ли шарф, съеден ли полезный завтрак и не обидел ли кто ее девочку: найти и наказать преступника (никак не меньше) матушка кидалась, не разбираясь.

Поэтому Лиза ничуть не удивилась, поймав сегодня злой ее взгляд, брошенный на следователя. Удивление пришло следом – эти двое явно были знакомы. И с давних времен...

По ее расчетам, матушке пора бы и объявиться, если только они с Беркутовым, как тот представился, не договорились на встречу. А скорее всего, так и есть.

Лиза насторожилась, услышав посторонний звук. «Ба, да это городской телефон трезвонит!» – кинулась она к единственному аппарату, висевшему на стене в прихожей со времен стойкого социализма. Выкинуть это черное чудовище и заменить трубкой с базой не дал Шурка, показав ей в интернете цены на вещи той эпохи. Она тогда слегка обалдела – за пионерский значок просили сто рублей! В продаже были приемники с проигрывателями для пластинок, красные флаги разных размеров, даже коричневая школьная форма с жутким черным фартуком для девочки...

Никто этим агрегатом связи не пользовался, да он и не звонил много лет, хотя и исправно оплачивались счета от Ростелеком.

– Алло! – Лиза не сразу сообразила, что не нужно нажимать никаких зеленых кнопок, чтобы услышать собеседника, достаточно снять трубку с металлических рычагов. – Шурка, ты??? Блин, дурак, тебя ищут! Куда подойти? Я поняла, сейчас буду. Стой, где стоишь!

Голову Шурки, торчавшую над кустами, посаженными вдоль аллеи набережной, она заметила сразу. Рыжие кудри шевелились на ветру, и Лизе пришла в голову мысль, что тот, если все время с утра пробыл на улице, замерз как цуцик. Сразу включилась жалость, на лавку рядом с ним приземлилась уже совсем раскисшая Лиза, минутами ранее собиравшаяся с ходу наорать на друга детства.

– Замерз? – она погладила его по руке и заглянула в лицо. Жалость тут же сменилась ужасом – застывшее в отчаянной гримасе белое лицо Шурки напоминало восковой слепок.

– У дома менты? Я видел на той стороне от арки машину, когда хотел вернуться.

– Не знаю. Как-то не заметила... Шурка, ты убил фрау? – она резко за плечи развернула его к себе. – Отвечай быстро!

– Ты что, Ветка! Сбрендил? – он разом покраснел и сбросил ее руки.

– Но ты ж там был! Мне не ври!

– Не вру – был. За учебником пришел...

– Рассказывай по порядку, – успокоилась Лиза, поверив.

– Фрау Марта позвонила рано утром, я спал, конечно, но так долго трезвонил телефон, что я проснулся. Номер ей оставил вчера, если вдруг что понадобится.

– В какое время точно звонок был?

– Шесть сорок восемь. Она таким уже бодреньким голосом меня поприветствовала, что я первым делом взглянул на часы на полке. Старушка проснулась, обнаружила учебник, переполошилась, что я на учебу поеду без него. Я хотел отговориться, что, мол, мне он не нужен, но она попросила прийти, чтобы помочь ей с «одним делом». Я, что ли, отказаться мог, Ветка? Сама б ты тоже помчалась!

– Ну да! Давай дальше.

– Пришел, звоню, не открывает! Нажал на ручку двери, подумал, что ждет, раз замок открыт. И мысли не было, что что-то случилось! Звал ее от порога и по-русски, и по-немецки, – он вздохнул.

Лиза с сочувствием посмотрела на Шурку: тот чуть не плакал.

– Она была мертва, когда ты ее нашел?

– Я думал – да. Кровь же на коврике, красная. Прямо у головы! И взгляд такой, неподвижный. Наклонился, а она вдруг заговорила.

– Что сказала?

– «Ich habe es nicht getan». Дословно: «Я не сделала это».

– И все?

– И все! Глаза закрылись, голова набок упала.

– И ты сбежал! Трус! – Лиза разозлилась. – Ты понимаешь, что тебя поймать – не фиг делать?! Ты на камерах наверняка во всей красе – и на входе, и на площадке. Твоя дурья рыжая башка – как фонарь в ночи!

Шурка молчал, глядя себе под ноги. Под это его многозначительное молчание мозг Лизы искал выход. Их, выходов, по сути, было два – бежать, прятаться, но куда и где? Или идти, сдаваться Беркутову. «Закроют, факт – все улики против Шурки. Хотя, по логике, зачем преступнику так светиться? Но кто знает, что за человек этот следак – зачем разбираться, если вот он, убийца Шурка Огорелов», – она вздохнула.

– Сам-то что делать собираешься? Молчишь? Ну понятно, мне решать. Значит так. Идем сдаваться. Мобилу куда дел?

– В сарае в соседнем дворе, где замка нет. Там сундук старый с тряпьем.

– Мне звонил откуда?

– У мужика какого-то попросил, просто прохожий. Номера твоего мобильного не помню, а городской у нас на одну цифру отличается.

– Понятно. Шур, можно сбежать попробовать, конечно. Я даже знаю, куда тебя спрятать. Сейчас в голову пришло. Там, – она кивнула на тот берег реки, где в ряд стояли небольшие домики, – мой дед сторожем на турбазе, если помнишь. Не откажет. Но ты скрываться долго собираешься? А как же универ, экзамены? Идем, сдадимся, а?

– Посадят...

– Разберутся! – Лиза поняла, что Шурка сам на это не решится, вскочила и потянула его за рукав куртки. Но вдруг одна мысль заставила ее сесть обратно. – Шурка, а ты не брал медальон фрау Марты?

– Он там же, где телефон, – тихо ответил тот, отворачиваясь. – Он был у нее в руке. Забрал, когда она уже умерла... не знаю, зачем взял!

– Она тебе ничего не рассказывала о нем? – Лиза задумалась. – Зачем она вообще приехала в наш город! Тоже, нашла туристическую Мекку!

– Точно не знаю. Но то, что собиралась искать кого-то, это да. Ты же слышала, она обещала рассказать нам все позже. Не успела! Да, она же так и сказала: «Я не сделала это...» – Шурка решительно поднялся со скамейки и повернулся к ней. – Пойдем, Ветка, я замерз. Заберем из сарая мобильник и медальон и в полицию.

– Правильно. Ты молодец у меня! Давай только домой зайдем, хоть поешь по-человечески, – улыбнулась она, беря его за руку. Хотелось плакать, до того было жаль Шурку, вляпавшегося на этот раз в серьезную историю, сильно отличавшуюся от их детских проказ.

Они вышли к сараю, отодвинув две доски в заборе, как делали в детстве. Им были известны все закоулки окрестностей, лазы через прогнившие стены ветхих строений, проходные дворы и дома с выходом на обе стороны. Старая часть города имела много потайных мест, жители порой сами не знали, что найдут, доламывая полуразвалившийся сарай или бывшую голубятню. Лиза с Шуркой и сами жили в двухэтажном доме, построенном в позапрошлом веке каким-то зажиточным горожанином для своей семьи. Дом был разделен впоследствии на четыре квартиры, по две на этаже, оборудован удобствами и заново окрашен желтой краской...

Дверь в сарай оказалась приоткрытой. Лиза осталась снаружи, отказавшись в новой куртке лезть в сомнительной сохранности строение.

– Ветка, я, кажется, не могу ничего найти, – растерянная физиономия Шурки могла бы в другое время вызвать улыбку, но не сейчас.

– Давай посвечу, – полезла она все же в низкий проем.

– Осторожно, тут гвоздь, – Шурка придержал ее за плечо.

– Куда светить, показывай, – Лиза нажала кнопку на телефоне, включая фонарик. – Ты в сундук положил?

– Да, завернул в тряпку. Тряпка, вот, – он протянула ветошь.

Лиза посветила на пол. В круге света лежали обломки телефона. Шурка пошарил рукой, что-то поднял и протянул ей. Сим-карта была сломана пополам. Стало понятно, что мобильник не просто упал, а был намеренно уничтожен.

Они внимательно осматривали все вокруг, отодвинув сундук и разгребая палками мусор. В углы лезть было бессмысленно – подходы к ним закрывала паутина.

Медальона нигде не было...

Глава 4

Алена ушла, Беркутов расплатился за кофе и вышел на улицу. Подумав, что домой совсем не хочется, пожалуй, впервые, как женился на Галине, решил пройтись по набережной. Луи слегка подсохли, но вечерняя прохладная сырость, подгоняемая ветром, легко проникала под тонкую куртку. Гуляющих было мало. Он вышел к детской площадке, решая, не повернуть ли обратно, но ноги сами зашагали в сторону дома Роговцевых⁴. Егору нужно было оттянуть время возвращения к жене, и гостеприимный дом старого друга казался самым подходящим местом, где можно перекантоваться за чашкой чего-нибудь горячего.

Зайдя во двор, он первым делом бросил взгляд на окна первого этажа. Свет горел в одном, кухонном. Неплотные шторы не скрывали происходящего внутри – Беркутов увидел Матвея и его дочь Лилечку, сидящих за столом. «Я, кажется, не вовремя», – подумал Беркутов. Лилечка жила с мужем неподалеку, к родителям приводила своих близнецов, значит, дети находились сейчас здесь. Он постучал в окно, тут же шторка раздвинулась, и показалось лицо Матвея. «Заходи», – понял Егор по его жесту и направился к двери подъезда.

– Здоров будешь, Егор! – Роговцев, проталкивая за плечи дальше в прихожую, щелкнул за его спиной собачкой замка.

– Привет! Чаю дашь?

– Ты без колес? Здорово! А я все думаю, с кем коньячком побаловаться. Лилька отказалась – малыцы на ней, да и я тоже. Муж ее отбыл к батеньке с маменькой в Москву, Надежда в больнице.

– Что с ней? – испугался на миг Беркутов.

– Все то же, Егор, давление, почки. Давай, топай на кухню сразу, Лилька там Мишку с Иришкой кормит, тебе тоже что-нибудь достанется. Ужинал?

– Кофе пил, – не стал врать Беркутов, принимаясь – пахло молочной кашей.

– Понятно...

Поздоровавшись, он сел за стол, Лилечка поставила перед ним тарелку с пловом и положила вилку. Близнецы завистливо покосились в его сторону – им перед сном досталась манная каша.

Протягивая «малыцам» по шоколадному яйцу, Егор похвалил себя за предусмотрительность – и не думал, что внуки Матвея здесь, а подарок купить на всякий случай не поленился. После дружного «спасибо» ложками близнецы заработали активнее.

– Егор Иванович, балуете мне их! Кроме вас, никто шоколад им не дает – малы еще! – Лилечка строго посмотрела на детей.

– Ой, прости, – ничуть не раскаиваясь, улыбнулся Беркутов, подмигивая совсем не напуганным строгим голосом матери Мишке и Иришке.

Уже в кабинете Матвея, расположившись с разрешения хозяина в его любимом кресле, Беркутов понял, что просто молчанием и разговорами на сторонние темы не отделаться. Да и зачем бы ему вламываться в дом к Роговцеву, если не на исповедь. Хотя события, о каких он, Беркутов, готов был поведать, такое давнее прошлое, что Матвей может и не вспомнить. А познакомил их с Аленой именно он.

– Выкладывай, сыщик. Дело какое новое?

– Скорее старое. Алену Бойко помнишь? Из отряда ДПС.

– Смутно. А что с ней не так? Подожди, с ней ты тогда роман закрутил? Так лет двадцать назад это ж было!

⁴ Роговцев Матвей – герой романа «Клетка семейного очага».

– Ну ты сразу – роман! Встречался – да. Лерка⁵ тогда совсем с катушек слетела, скандал на скандале. Близко меня не подпускала. Алена жила одна...

– Заканчивай оправдываться. Давай к делу.

– Меньше года мы были вместе, потом она уехала. Без объяснений. Я тогда ничего не понял, записку в кармане куртки нашел: «Не ищи, из города уехала, выхожу замуж. Прости». Что-то в этом роде. Я удивился, даже как-то обидно стало – любить не любил, но привязаться успел. Потом забылось.

– Встретил недавно?

– Да, сегодня. И дочь ее. Лизавета Александровна. Я не сразу понял, что по-настоящему Егоровной ей быть бы нужно. Моя дочь, очень похожа.

– Ты серьезно? Чем ты такой выдающийся, что сразу так и понял?

– Глаза – мои, Ванькины⁶, отца нашего с ним. Ямочка на подбородке! Да и Алена не отпиралась. Сейчас в кафе встретились, рассказала мне все. Оказывается, Лерка ее тогда выследила, папочку-генерала на нее натравить обещала, если та из города не уедет. Алена тут же и смылась. Да, испугалась! И, дуреха, мне ничего говорить не стала. Родила у дальних родственников на юге. Вернулась, когда дочке исполнилось пять лет.

– И не попыталась с тобой встретиться?

– Хотела, но я же у Романовых жил. Решила не соваться в чужую семью. Говорит, не уехала бы с юга, если бы муж не умер. Родственники ее буквально выжили из дома.

– В общем, она для тебя эпизодом прошла. Или вспоминал?

– Вспоминал, конечно. Но что ребенок может быть... В голову не приходило: кажется, отношения легкими были, ненавязчивыми. Алена говорит, любила. А я? Я – точно нет. Что такое любовь, только с Галкой и понял.

– История банальная. Что делать думаешь?

– Так Алена сама все решила – не хочет, чтобы Лиза знала, что я ее отец. Ее право. Фамилия у Алены и Лизы – Ведерниковы, по мужу ее. Да, была замужем она недолго, два года, теперь вдова. А Лизу муж удочерил сразу, как поженились.

– Тогда чего же ты маешься, Егор?

– Галине говорить или нет? – Беркутов глотнул из рюмки коньяку. – Ни разу не врал ей, все на доверии. С первого дня!

– Вот ты сам и ответил на свои сомнения. Не расскажешь, Галка по твоей потерянной физиономии уже сегодня догадается, что темнишь. Кстати, а столкнулись вы с Аленой где?

– В элитной высотке у речного вокзала старушку убили на съемной квартире. Алена – риелтор агентства, что сдавало эти апартаменты в аренду. А Лиза горничной там подрабатывает. Извини, без подробностей пока: убиенная – гражданка Германии. Подозреваемый есть, скрывается.

– Понял. Не тяни с разговором с Галиной. Зная ее, могу точно сказать – будешь скрывать, хуже себе сделаешь. Стенку выстроит – не пробьешь. Не гоню, посидели бы еще, но шел бы ты домой, Егор!

– Спасибо, Матвей! – Беркутов прислушался: в прихожей звонил его мобильный, забытый в куртке. Он быстро вышел из кабинета. – Да, слушаю. Понял. Сейчас буду.

– Что, задержали?

– Парень сам пришел в отделение. Вместе с Лизой, он ее друг. Чувствую, не он убийца. Но будем разбираться. Точнее, передам дело кому-то еще: дочь моя тоже под подозрением. Дочь... как-то звучит – нежно и тепло, Матвей! Да что я тебе говорю – ты свою Лильку сам любишь до

⁵ Лера, Валерия Романова – героиня романа «Два сына одного отца».

⁶ Иван Дубенко – герой романа «Два сына одного отца».

одури. Так что поймешь. Пока! – Беркутов застегнул молнию на куртке и вышел на лестничную площадку. – Да! К Надежде поедешь, передавай пожелания скорейшего выздоровления.

Вновь моросил дождь. Егор зябко поежился. «Зря наобещал Алене, что Лиза ничего не узнает. Девочка умная, наблюдательная, догадается. Спросит – отпираться не стану. Но сначала к матери с вопросами отошлю. И кто ей этот парень? Влюблена в него или просто друг?» – он шел быстрым шагом, местами перепрыгивая через лужи или обходя их по проезжей части. До отделения полиции, где его ждали, оставалось пройти лишь два квартала, как вновь зазвонил мобильный.

– Да, Галчонок, – он забежал под навес над крыльцом небольшого магазинчика. – Нет, ничего не случилось. Ничего я от тебя не скрываю, не выдумывай. Да, новое убийство. В отделение пришли свидетели, опрошу, пойду домой.

«Вот и попробуй тут что-то утаить от нее. Хоть на полставки в следственный отдел устраивай!» – весело подумал он, двигаясь к цели в ускоренном темпе.

Глава 5

Виктор Петрович Шведов ни на миг не сомневался, что эта женщина доставит ему неприятностей. С той минуты, как привел в агентство «Ситиленд» Ларочку и попросил взять ее в горничные для обслуживания именно его квартиры, что сдавал через означенное агентство внаем. В офисе в этот момент находилась директор агентства и риелтор Алена Юрьевна Ведерникова, курирующая договор с ним.

При первом знакомстве Алена Юрьевна показалась ему обычной теткой нейтральной наружности, с заученной улыбкой на лице и невероятно длинными стройными ногами. Вот на эти ноги он и косил взгляд невольно, пока ждал, как секретарь подготовит «рыбу» договора. Ведерникова ухмылялась, поймав его взгляд, кривила презрительно тонкие губы, чем, в конце концов, вызвала в нем чувство отторжения ее как объекта мужского интереса. «Стерва», – подумал он тогда, отворачиваясь к окну.

Ларочку устроить горничной решил он сам – гостями, арендовавшими на время его владения, были в основном люди состоявшиеся, чаще иностранцы, и он посчитал, что языковая практика девочке не будет лишней. Что говорить, любил он ее, опекал и баловал.

Взгляд, каким окатила Ларочку Ведерникова, вызвал в нем желание сразу же поставить на место тетку хлестким замечанием, отомстив и за этот взгляд, и за прошлые усмешки махом. Но сдержался. Объясняться и оправдываться, почему так настаивает на кандидатуре Ларочки, не стал. Перед кем другим – пожалуйста, но перед этой стервой – увольте.

Сейчас, сидя в кресле лайнера Хельсинки – Москва, он с неприязнью вспомнил ехидный голос Ведерниковой, сообщивший ему неделю назад, что «его» Ларочка неожиданно покинула место службы. Причиной бегства, особо подчеркнула Алена Юрьевна, стало стремительное замужество, о чем девушка, видимо, не поставила своего покровителя, то есть его, Шведова, в известность. Он тогда ничего ей не ответил, просто отключив телефон. Да, Ларочка умела делать сюрпризы...

Сегодня Алена Юрьевна своим сообщением сорвала его с переговоров с иностранным инвестором, после чего он спешно покидал вещи в чемодан и рванул в аэропорт Вантаа. Убийство, да еще иностранной гражданки, в его квартире напугало его, в общем-то, стойкого к неприятностям и разочарованиям, человека. И виновницей своего состояния он посчитал именно Ведерникову – а кого же еще: именно она должна следить за его недвижимостью.

...Ему повезло: он получил в подарок от тестя часть бизнеса. Видимо, за долготерпение и долготерпение, как подумалось тогда ему. Признав, наконец, свою дочь, то есть жену Шведова, дамочкой несерьезной, старик полностью устранился от дел, сохранив за собой приличный процент от прибыли, и отбыл в Грецию греть старые кости. Показав папочке свою преданность, дочь последовала за ним, исключительно чтобы не отрываться от дармовой кормушки. Шведов принял дело тестя с благодарностью, а жену отпустил с радостью, попросив лишь оформить развод официально. Квартира, что они делили вместе, принадлежала ему, и он планировал оставить ее детям. Детей не случилось, Анжелика категорически их не хотела, вспоминая неделю токсикоза при случайной беременности. Страх был таким, что она поспешила избавиться от этого состояния радикально. Тогда, по молодости, Шведову казалось – с возрастом одумается. Но и этого не случилось.

«Бездетный вечный жених» – так называла его сестра Полина, периодически предпринимавшая попытки сосватать ему своих многочисленных приятельниц помоложе. Обожавшая мужа жена, сумасшедшая мать двоих детей, безумно любившая своих учеников и свой предмет училка математики, она остро переживала за неустроенного «мальчика» Витюшу, опекаемого ею с детства. Разница в возрасте у них была приличной, он родился, когда Полине шел одиннадцатый год. После смерти родителей она и вовсе стала считать себя ответственной за

его судьбу. Шведов открыто не возражал, но жил своей жизнью, может быть и непутевой, но простой и понятной: работа, отдых и необременительные связи с приятными взору и телу женщинами. Эмоционально себя не нагружая, ровно вел дела, зарабатывая деньги скорее в удовольствие, чем по необходимости. К подружкам душой не привязывался, балуя каждую в силу возможностей. И очень надеялся в таком режиме прожить до старости, когда можно будет удалиться на покой.

Эту квартиру в элитной высотке у речного вокзала Шведов приобрел по случаю. Можно даже сказать – невольно. Стоимость ее была бы неподъемной для него, но один из партнеров, разорившись, отдал ее в оплату долга по договору. Шведов посчитал, что ему повезло, – другие кредиторы не получили от того ничего. Вопрос, что делать с недвижимостью, не стоял – прежний владелец сдавал апартаменты через агентство, и Шведову оставалось лишь перезаключить договор на себя.

А теперь там убили старушку-немку. И в такую стабильную жизнь Шведова вошла досадная помеха – разбирательство с полицией, родственниками убиенной и Аленой Юрьевной Ведерниковой, которая все это допустила. Так махом, без тени сомнений, он назначил виновную в начавшихся проблемах...

Время пересадки в Москве на рейс до Самары было недолгим, Шведов подремал в кресле зала ожидания, заснул и в самолете. Разбудила его стюардесса, когда объявили посадку. Шведов бросил взгляд на часы – почти девять вечера по местному времени. Конечно, все дела откладываются на завтра, но сообщить о своем приезде Ведерниковой придется.

Багажа с собой не было, он вышел из здания аэропорта налегке и направился к стоянке – машину он оставил там, зная, что в Хельсинки пробудет не дольше недели.

– Виктор Петрович!

– Да? – оглянулся он на голос и в изумлении уставился на окликнувшую его женщину. – Что вы здесь делаете?

– Вас встречаю. Вы без машины?

– Да, – соврал он неожиданно для себя, все еще удивленно глядя на Ведерникову, смотревшую на него снизу вверх, – она была на голову ниже его.

– Вот и хорошо. Пойдемте. Мне нужно с вами поговорить до визита в полицию.

– Я сам собирался вам звонить, – Шведов покорно шел к ее машине. Проходя мимо стоянки, бросил тоскливый взгляд на свою «Тойоту», что занимала место у самой будки охранника. «Черт меня дернул! Завтра придется ехать на такси в аэропорт, чтобы забрать ее!» – подумал он, слегка притормаживая.

– Ну где вы там? Идете? – раздраженно окликнула его Ведерникова.

Шведов, еще раз мысленно чертыхнувшись, поспешил за ней.

Всю дорогу до дома он слушал женщину. Изредка вставляя вопросы, он со страхом следил за мелькающими впереди фарами автомобилей, лихо обгоняемых Ведерниковой. Она будто не замечала, что нарушает скоростной режим, да и другие правила дорожного движения. «Не разобьемся, так остановят!» – мелькнула мысль, и он невольно вскрикнул – на них надвигалась махина трейлера.

– Вы чего? – Ведерникова, резко перестроившись, сбросила скорость и посмотрела на него удивленно и встревоженно. – Вам плохо, Шведов?

– Вы, Алена Юрьевна, уж как-то лихо водите! – он перевел дыхание и расслабился. – Не боитесь?

– Чего же? – усмехнулась она, отворачиваясь.

– Правил не учили или жизнь недорога? Могут и права отобрать при такой езде! – разозлился он в первую очередь на себя: ехал бы сейчас аккуратненько на своей машине, а не с этой сумасшедшей!

– А-ааа... так не отберут – мою машину знают, – она улыбнулась, а он неприлично хмыкнул.

– Я дорожным инспектором проработала несколько лет. Впрочем, давняя история.

И тут он вспомнил! Это случилось более двадцати лет назад. Он вез сильно подвыпившую жену с дачи в Царевщине. Время было позднее, ближе к полуночи, можно было бы остаться в доме, но Лика устроила скандал – ей хотелось «продолжения банкета» в клубе. Чтобы не нервировать соседей, у которых спали маленькие дети, громкими ее воплями, он загрузил жену в машину, пристегнул ремнем безопасности и повез в город. При подъезде к посту ДПС та заснула. Не успел он порадоваться этому факту, как увидел на обочине инспектора с поднятым жезлом. Послушно остановившись, он приоткрыл окно. Молодая женщина в форме попросила предъявить документы. А далее все напоминало театр абсурда – он никак не мог понять, что от него требуется. Команды – выйти, руки на капот, направленное на него вторым инспектором дуло автомата... Все это не могло происходить с ним, аккуратным и законопослушным водителем с хорошим стажем безаварийного вождения! Проснувшаяся от шума жена билась в истерику, угрожая судом и расстрелом. Как-то ей удалось успокоиться и дозвониться до отца. Разрешилось все одним звонком, извинения он принял (оказалось, похожая машина в угоне, да еще алкогольный дух витал в салоне), но фразу, брошенную напоследок инспекторшей, помнил еще долго. Тихо и презрительно та высказалась, что, мол, женятся черт-те на ком, лишь бы папашка при деньгах был. Он смолчал...

А теперь оказывается, неприятности с этой дамочкой начались еще тогда...

– Виктор Петрович, вас куда доставить? В город въехали, – услышал он.

– Домой, на Преображенскую. Вы, кажется, тоже в центре живете? – он подумал, что Ведерникова с тех пор изменилась сильно, да и фамилия у нее тогда была другая, как он помнил, короткая, букв из пяти, не более.

– Да, на Вознесенской. Вроде бы я вам все рассказала, – она задумалась, что-то вспоминая. – А, вот еще. У немки медальон пропал, и орудие убийства не нашли. Деньги, кредитки, кольцо на пальце – ничего не тронули. Думаю, не ограбление это.

– А следователь как считает?

– Беркутов? – она пожала плечами. – Ну, этот никогда не скажет правду. Скользкий тип.

– Вы знакомы? – он задал этот вопрос машинально, тогда как и сам понял, что Ведерникова его знает.

– Познакомились... Чуть раньше, чем с вами, Виктор Петрович, тогда, на посту...

Глава 6

Она удивилась, что Лиза не дома. Более того, все указывало на спешное ее бегство из квартиры: не выключенная настольная лампа, тапки под стулом в комнате, а не в прихожей, и просто захлопнутая входная дверь. А у них было принято запирать ее на два замка – на первом этаже жила семейка наркоманов из трех бесполох особей, по очереди отбывавших срок за мелкие преступления. Сейчас, как назло, все трое были на свободе.

Алена набрала номер мобильного дочери и одновременно нажала кнопку звонка на двери квартиры Огореловых. Первой откликнулась дочь, коротко бросив: «Мы в полиции». «Значит, Лизка нашла Шурку и уговорила сдаться. Правильно, Беркутов разберется, отпустит под подписку о невыезде. Шурка, конечно, струсил и сбежал. Но не убил же!» – она была твердо уверена в невинности парня, которого знала еще ребенком.

...Вернувшись с пятилетней дочерью в отчий дом, Алена никак не могла предположить, что все настолько плохо. Мать болела, отец пил. То есть, отправляя ее, беременную Лизкой, к деду в кубанскую станицу после угроз первой жены Беркутова, мама уже знала, что отца выгнали со службы за систематическое пьянство. А Алене не сказала ничего.

Обучаясь в школе милиции, Алена занималась борьбой, к тому же характером была в свою бабку по отцовской линии, всю жизнь проработавшую надзирателем в женской колонии. Поэтому, лишь только переступив порог, сразу скрутила начавшего было размахивать кулаками подвыпившего папашу, заперла его в кладовке и вызвала скорую. Определив матушку в больницу, вернулась домой и зашла к соседям, где оставила Лизу. С Нелли они не виделись с девятого класса: та осталась доучиваться до одиннадцатого, а Алена уехала в Орловскую школу милиции, чем немало удивила всех, кроме бабки (та была в курсе планов внучки). Когда вернулась Алена, Нелли в городе уже не было – золотая медалистка поступила в МГУ.

Она засиделась у них допоздна, начисто забыв про запертого в чулане отца. Дети, то есть Шурка с Лизой, заснули рядом на супружеской кровати Огореловых, муж Нелли был на дежурстве в больнице, подруги всласть наговорились, нахохотались, вспоминая школьную жизнь, и тут Алена услышала жуткий вой. Выбежав на лестничную площадку, они с Нелли поняли, что воют в квартире Лизы, а не у проблемной семейки этажом ниже, как ожидалось. Поняв это, Алена добежала до кладовки, повернула ключ в замке. Нелли, поспешившая за ней, испуганно вскрикнула – из открытой двери вывалился отец Алены. Вид его был страшен: волосы на голове торчали ключьями, словно их кто-то пытался вырвать с корнем, но не преуспел в этом, налитые кровью белки глаз таращились на подруг с ужасом. Кроме того, он утробно мычал, указывая куда-то вверх. Алена проследила за дрожащей рукой отца и на узком подоконнике небольшого оконца под самым потолком увидела голубя, лапки которого застряли в дырках гипюровой шторки. Видимо, птица залетела в открытое окно еще днем. Голубь отчаянно пытался выбраться из переплетения нитей, громко хлопая крыльями. Что померещилось пьяному мужику в темноте кладовки, можно было только гадать.

Успокоив отца, ставшего вдруг послушным, Алена отвела его в спальню. Они выпили с Нелли еще по кружке чаю, обсуждая происшествие и решая, что делать дальше с допившемся до предела Алениным отцом.

Наутро проблема разрешилась сама – тот заявил, что бросает пить. Он покорно «зашился» (муж Нелли лично отвез его к другу-наркологу), устроился на турбазу МВД на той стороне Волги сторожем, где и жил круглогодично и по сей день...

Алена разогрела ужин, поставила на поднос и отнесла его к компьютеру. Открыв Фейсбук, нашла страницу жены Беркутова. Конечно, она знала о нем все. Нелли давно показала ей фотографии Галины и ее детей, выложенные в сети. Несмотря на вспыхнувшую вдруг тогда ревность (а к первой его жене, ничего, кроме презрения, не было!), она признала, что та кра-

сива, хотя и полновата. Дочь ее и вовсе очаровала Алену. «Ален, просто забудь. Самое главное – не ищи с ним встреч, – уговаривала Нелли. – Посмотри, как я живу: думаешь, легко знать, что муж по разным бабам скачет? То со мной, то с очередной шлюхой. Мучаемся оба! Исполнится Шурке четырнадцать, разведусь к чертовой матери!»

Алена ее послушалась. Жили они с Лизой вдвоем в родительской квартире, похоронив бабушку, к которой ребенок так и не успел привязаться, в тот же год, как вернулись с Кубани. Отец Алены на лето забирал и Лизу, и Шурку на турбазу. Нелли, как и планировала, развелась с Огореловым, сама же Алена находилась в постоянных поисках работы, подолгу не задерживаясь нигде. Наконец нашла себе место по душе – начала риелтором на вольных хлебах, позже устроившись в агентство «Ситиленд». Сосватав подругу за немца, – сама Нелли отказывалась размещать анкету на сайтах знакомств, Алена, однако, не торопилась устраивать свою личную жизнь. Оправдываясь тем, что в сутках ей не хватает на «эту ерунду» часов, важнее получить образование и строить карьеру, она постоянно отнекивалась от Нелли, которая пыталась в свою очередь знакомить ее с друзьями нового мужа. Слава богу, происходило это заочно, по интернету, Алена никому ничего не обещала, отговариваясь дальностью расстояний и незнанием немецкого языка.

Встреча с Беркутовым, да еще и при таких обстоятельствах, доставила ей массу неприятных минут. Узнала его сразу – по блеснувшей синеве глаз, сердце ухнуло вниз, напоминая о той боли, что была в прошлом. И тут же пришел страх за Лизу – только увидев их рядом, дочь и отца, она поняла, насколько они похожи. По выражению лица Беркутова догадалась: объяснений не избежать. Опередив его вопросы, предложила встретиться в кафе.

А сейчас, вновь глядя на фотографию его жены, похвалила себя за правильное решение – Лиза не должна знать, что Беркутов ее отец. Пусть остается дочерью трагически погибшего Сашки Ведерникова, что стал отцом ей при рождении. А она, Алена, так и будет считаться его вдовой.

Услышав, как хлопнула входная дверь, Алена закрыла вкладку на экране монитора и вышла в прихожую.

– А Шурка где? Отпустили? – она приняла из рук дочери куртку и повесила на крючок.

– Домой пошел переодеться. Отпустили под подписку, завтра к девяти в следственный комитет. Mam, мы голодные, покормишь?

– Что-нибудь сообразу. Переоденься, я на кухню.

Алена успокоенно вздохнула – все-таки Шурку могли и задержать до выяснения.

– Ты сама почему так поздно вернулась? Я уходила, тебя не было, – Лиза показала в дверях кухни.

– С клиентом ездила по объектам. А потом в аэропорт. Шведова встретить нужно было.

– Понятно. Ты мне скажи, Беркутов тебе кто? – Лиза в упор смотрела на нее. – Только не обманывай, мам. Вы давно знакомы, факт. Встретились в квартире Виктора Петровича случайно – было сразу понятно. Ты обозлилась. Почему? На чужих так не смотрят!

– Как? – Алена отвернулась к плите, делая вид, что помешивает в кастрюле макароны.

– С ненавистью и страхом! Скажи, он – мой биологический отец?

– С чего вдруг такие выводы?

– Они очень похожи, Алена Юрьевна, – незаметно появившийся Шурка, пригнувшись, прошел в кухню. – Я там дверь запер на задвижку. Снизу опять вопли какие-то от нарков раздаются.

– Хорошо. Да, Беркутов – твой отец. Предваряя дальнейшие вопросы, сообщаю – нет, он о тебе ничего не знал, я уехала к деду в станицу, вышла за твоего отца, родила тебя, он удочерил. Все. Ты Ведерникова и точка.

– Беркутов знает? Он как-то странно на меня все время посматривал.

– Знает, догадался. Ты действительно на него похожа. Но, Лиза, у него семья, жену любит, лезть к ним ни ты, ни я не будем. Ясно? Его я просила с тобой эту тему не затрагивать. Думаю, и жене он ничего не скажет. Живем, как жили!

– А брат или сестра у меня хотя бы есть? – с тоской спросила Лиза, а у Алены сжалось сердце.

– У Галины, его второй жены, от первого брака взрослые сын и дочь. От первой жены у Егора детей не было. Получается, ты – его единственный ребенок...

Алена заметила, с какой жалостью Шурка смотрит на поникшую Лизу. Хотя у самого с отцом отношения в последнее время разладились окончательно: последняя жена того, молодая медсестра его отделения, родила ему дочь, а Огорелов-старший даже не удосужился поставить в известность сына. Шурка о появлении сестры узнал из социальных сетей.

– Тема закрыта, ребята. Теперь я слушаю вас.

Пока Шурка, перебиваемый Лизой, рассказывал о своих приключениях, Алена приготовила пасту с фаршем и болгарским перцем, включила чайник и распаковала шоколадный кекс. Как она и думала, Шурка немку не убивал, сбежал с места, струсив, в чем сейчас искренне раскаивался. Помочь ему мог только Беркутов, найдя настоящего убийцу. Алена совсем успокоилась, почти уже не слушая заговоривших о чем-то Лизу и Шурку, как вдруг они оба смолкли, и она с удивлением посмотрела на них.

– Мам? О чем думаешь? Ты слышала сейчас мой вопрос или мимо пролетел? – Лиза и Шурка переглянулись.

– Простите... Так, что за вопрос?

– Медальон из сарая пропал. Вот, строим версии, кому понадобился?

– Беркутову сказали?

– Конечно. И место показали, где Шурка его прятал. Полиция там все осмотрела, остатки телефона Шурки в пакет собрали. Я думаю, если это убийца Шурку выследил? Тогда он наверняка знает, где мы живем. И видел, как в машину к полицейским садились!

– Стоп! В какую машину?!

– Алена Юрьевна, после того, как обнаружили пропажу медальона из сундука в сарае, мы сразу в полицию не пошли. Напротив арки стоял автомобиль, в нем сидели двое. Думаю, следили за входом, меня ждали. Я поэтому не рискнул домой сунуться...

– И я, когда Шурка позвонил, на набережную другими дворами шла, из арки не выходила. Вернулись так же, через проходной с Дворянской.

– Так почему же не обратились к ним? Если сдаваться – чем быстрее, тем лучше.

– Я побоялась, что Беркутов его закроет, мам. Все улики против Шурки! Решила сначала накормить...

– И долго вы дома были? Здесь или у Шурки?

– У меня. Пока Лизка яичницу жарила, я в интернете ползнул. Хотел про Марту Эрбах что-нибудь узнать.

– Узнал?

– Про род Эрбахов инфы мало. Про Марту конкретно не нашел ничего. Единственное, что узнал из некролога, один из Эрбахов, Франц-Гюнтер скончался в марте этого года. Жена и сын скорбят о потере, ну в этом духе... Под некрологом небольшая статья, где упоминается, что тот был женат на русской балерине. Больше в связи с Россией никакой информации нет.

– А при чем здесь Россия? Марта – чистая немка, по-русски не говорит даже и, насколько я знаю, приехала к нам по туристической визе...

– Мам, на крышке пропавшего медальона были выгравированы русские буквы «к» и «ш». И фрау Марта Шурку просила оказать содействие в поисках кого-то именно в нашем городе. Обещала рассказать обо всем сегодня, но не успела!

– И медальон пропал... – Алена задумалась и отошла к окну. – Лиза, посмотри – не твой знакомый? Торчит под окнами, уже не впервые его сегодня вижу.

– Где? – Шурка и Лиза одновременно вскочили с мест.

– Я его не знаю! – Лиза посмотрела на Шурку. Тот в знак отрицания помотал головой.

Молодой человек стоял немного в стороне от уличного фонаря у выезда из арки и курил. Алена отметила, что роста он, пожалуй, такого же, как Шурка, но комплекцией плотнее. Пока они его разглядывали, слегка раздвинув шторы, тот затушил сигарету и, бросив быстрый взгляд на их окна, двинулся в сторону перекрестка.

– Я успела сделать пару снимков! – Лиза потрясла телефоном. – Завтра отнесем Беркутову.

Алена лишь покачала головой. «Встреч дочери с папочкой не избежать. Надо бы предупредить Егора, что она все знает. В конце концов, я Лизку ему не навязываю. Захочет, найдет время для общения, его дело. Мне уж точно свидания с ним не нужны! – она посмотрела вслед Лизе, которая пошла провожать Шурку. – Нелли позвонить нужно. Или нет? Переполошится, примчится, бросив своего бургера. Все ж позвоню!» – решила Алена, доставая из кармана домашней рубашки мобильный телефон.

Глава 7

Галина, пообщавшись в скайпе с дочерью, закрыла крышку ноутбука. В глаза словно насыпали песку, спина затекла, к тому же она опять забыла пообедать – как никогда легко работалось с самого утра, и было жалко прерываться на прием пищи. Роман нужно было отослать в издательство в конце месяца, она вполне успевала, и торопиться, в общем-то, необходимости не было. Но, зная, что могут случиться дни простоя – по причине уважительной или просто накатившей лени, работала сегодня не разгибая спины. Только раз, мельком посмотрев на часы, удивилась – а где Беркутов? Позвонив, успокоилась, хотя и слегка кольнуло – что-то темнил муж, по голосу поняла, по торопливому ответу. Накручивать не стала, лишь усмехнулась – все равно все выяснится, и мысли тут же переключились вновь на роман. Как всегда, не дописав одного, уже обдумывала сюжет следующего – на днях, просматривая новостную ленту, вдруг заметила – слишком часто поминают Сталина. И не в связи с репрессиями, а чуть не героем, освободившим страну от буржуазной нечисти и врагов народа. Часто звучало: «Так им и надо!», а Галина сразу вспомнила рассказы выживших в лагерях репрессированных, что собирала не один год. Вспомнила и ужаснулась... сколько поломанных судеб!..

Она успела вскипятить воду в чайнике, разогреть пару пирожков, позвонить сыну и включить телевизор.

– Галчонок, я дома! – нарочито бодренький голос мужа не обманул, тот явно был чем-то озабочен.

– Привет, сыщик! Голодный? – она вышла в прихожую, чмокнула его в щеку и поймала ответный взгляд.

Да, у Беркутова произошло «событие». И с работой это никак не связано. Что ж, давить смысла не было, она чувствовала Егора каждой клеточкой своего организма, знала и понимала любой его жест, движение седой головы, оттенки голубизны радужки при смене настроения. Болела с ним молча, когда он уставший возвращался в полночь и, едва проглотив ужин, засыпал на диване. Проспав несколько часов, приходил в спальню, обнимал крепко ее, толком так и не заснувшую, и лишь тогда отпускало. А утром, стараясь не шуметь, возился на кухне, готовя себе завтрак, чтобы дать выспаться ей. Он знал, что половину ночи она не могла заснуть... Говорят: «Будьте взаимно вежливы», а в их семье друг с другом были «взаимно бережливы».

– Не суетись, Галь, я заходил к Матвею, Лилечка накормила, – принявший душ Беркутов появился на кухне, когда она доедала второй пирог. – Чаю выпью.

– Близнецы тоже у деда гостят? – Галина не видела их уже с год, да и в последний раз лишь мельком, в парке, где случайно встретились.

– Да, Надежда в больнице, муж Лилечки в отъезде, она с мальцами пока живет у Матвея.

Галина не стала спрашивать, что случилось с женой Роговцева. Да, посочувствовать ей могла. Как любому больному. Но ее отношение к Надежде было настороженным. Зная историю семьи Роговцевых⁷, безоговорочно принимала сторону Матвея и не понимала, как тот смог простить жену. Жалея его, так и не сумевшего вернуть любовь женщины, что потерял много лет назад по ее вине, Галина при редких встречах держалась с Надеждой ровно, без эмоций общаясь на нейтральные темы и испытывая при этом неловкость, – ей было противно собственное лицемерие. Но Роговцевы были давними друзьями Беркутова...

– Егор, у тебя что-то случилось? – не выдержала она, заметив потерянный взгляд мужа, брошенный вскользь. – Мне начинать волноваться?

– Галя, у меня есть дочь, – выпалил Беркутов и лишь после этого посмотрел на нее прямо и открыто.

⁷ См. роман «Клетка семейного очага».

– Уф... – выдохнула она облегченно. – Ну ты, Беркутов, из всего трагедию готов сделать. Я уже подумала... впрочем, неважно. Дочь твоя, точно? Родная? Сколько ей?

– Двадцать... я не знал о ней! Только сегодня... это ведь никак не повлияет на наши отношения, а, Галь?

– Как это – не повлияет? – она насмешливо посмотрела на мужа. – Вот странный вы народ, мужчины... иногда просто в ступор впадаю. Ты что, не рад, что у тебя родная кровинка нашлась? Ты, Егор, это слово – «дочка» – на вкус попробуй! Сладко звучит, нежно, ммм... вкусно. А похожа на тебя? Да? В таком случае, тем более – тебя от гордости сейчас распирать должно, а ты... отношения... А теперь выкладывай подробности!

Она видела, как у Беркутова увлажнились глаза, как хочется ему сейчас обнять ее, прижать к себе и спрятать лицо, чтобы не заметила навернувшихся слез. Ее и саму тянуло к нему, мелькнула жалость, нет, сочувствие – двадцать лет не знать ребенка, не видеть, как растет, меняется – это же как?! И время назад не откатишь... Но Галина лишь молча ждала его рассказа.

– Ее зовут Лиза. С ее матерью я встречался, когда впервые ушел от Лерки. Алена служила в отряде ДПС, молодая девчонка после школы милиции. А в девяносто восьмом она вдруг резко собралась и уехала из города – написала, что, мол, замуж выходит. Я и не переживал сильно – любви особенной к ней не испытывал. Но обидно стало, помню, что не объяснилась толком, получилось – бросила.

– Ну да. Мужское эго пострадало, – усмехнулась, перебив, Галина.

– Пусть так. Я вернулся к Лерке... забыть. Не забыл. Но и вспоминал не очень часто.

– Где же вы встретились?

– Сегодня убили немецкую туристку в элитке у речного вокзала. Квартира сдавалась внаем агентством «Ситиленд», риелтором оказалась Алена, а Лиза – горничной. Она-то и нашла тело старушки. Девочка сразу мне понравилась, но я тогда подумал, чем-то Маринку нашу напоминает. Но то, что на меня похожа, понял позже, когда подъехала на место ее мать – Алена. Сложилось сразу – дочь моя, Алена не отпиралась, только попросила не говорить Лизе, что я ее отец.

– Как это?! И ты согласился? – Галина не могла поверить...

– Да, Галь. А что я мог ей сказать? Я двадцать лет был чужим мужиком, чужим мужем, люблю другую женщину, не собираюсь с Аленой поддерживать никаких отношений, кроме как по необходимости. Как я могу диктовать свои условия?

– Я бы так не смогла...

– Как она? Или как я?

– Как оба! Но, как говорила моя мама, видимо, не время. Уверена, Лиза за вас обоих все решит. Если вы так похожи...

– Не поверишь, Галь... – перебил Беркутов, улыбаясь. – Глаза мои, ямочка на подбородке даже, только не такая глубокая.

– Красивая?

– Хорошенькая. И такая же, как Маринка, – врать не умеет, все эмоции на лице. Попыталась умолчать, что ее друг был в квартире, не смогла. Юрист из нее точно получится – взвезила, просчитала последствия и только после этого рассказала все без утайки. Умница!

– Вот... ты уже ее нахваливаешь как отец! Осталось признаться девочке...

– Нет, Галя! Это решать Алене, – твердо произнес Егор.

– А как имя убитой немки? – Галина нахмурилась, вдруг вспомнив о разговоре с Карташовым⁸ буквально на той неделе.

– Марта Эрбах. А что?

⁸ Карташов Сергей Сергеевич – историк, герой романа «Клетка семейного очага», «Свои чужие люди».

– Сергей Сергеич на днях звонил, его немецкий друг подкинул очередную загадку. Его знакомая из Германии ищет родственников в России. Вроде как уже в Москве нашла следы, и ведут они в наш город. Ты же знаешь Карташова, в стойку встал сразу, мне сказал, что «начал рыть». Это, то есть скоро тему для романа подкинет! Я подумала, не эту ли немку лишили жизни? Хочешь, позвоню ему?

– Не поздно? Тогда звони.

Галина набирала номер Карташова, почти не сомневаясь, что услышит имя Марты Эрбах. Воображение уже нарисовало сюжет для будущего романа.

– Сергей Сергеич, доброго вечера! Все в порядке со здоровьем, спасибо. Егор здесь, рядом. Да, вы угадали, я с вопросом. Не можете мне назвать имя той немки, что ищет родственников в России? Вот как. Завтра встречаетесь с ней... – она бросила вопросительный взгляд на мужа, как бы спрашивая, можно ли сообщить Карташову об убийстве. Тот утвердительно кивнул. – Сергей Сергеич, встреча ваша не состоится. Сегодня утром Марта Эрбах была найдена мертвой...

Глава 8

Шведов выпался как никогда, спал без сновидений почти всю ночь, но под утро все же приснился короткий сон: он крепко обнимал женщину, чувствуя исходящее от нее тепло, испытывая неземное блаженство и почти реально осязая запах волос. Слабели колени, женщина обмякла в его руках, и он осторожно уложил ее на широкую кровать, опускаясь рядом и не разжимая рук. Он четко увидел ее лицо... и тут проснулся. Сердце колотилось у горла, глаза сухо резало, руки дрожали. «Только не она!» – открестился он мысленно, спуская ноги и на шаривая тапочки. Ведерникова никак не могла присниться к добру...

Чуть теплый душ и кружка кофе окончательно привели его в чувство, он смог вполне осмысленно прикинуть список дел на сегодня, первым пунктом в котором, конечно же, стоял визит в следственный комитет.

Поговорив, точнее, послушав, вчера Ведерникову, он пришел к выводу, что квартиру эту нужно будет продавать – лишь бы нашелся покупатель. Год назад был такой – московскому чиновнику понадобились апартаменты для сына, пожелавшего учиться в Самаре. Но тогда он ответил отказом – денежка, стабильно капающая на карту сестры Полины от аренды, была не лишней. И никак он не думал, что доходная недвижимость станет вдруг с криминальным душком.

«А интересно, кому понадобилось лишать фрау жизни в нашей стране? Если, как говорит Алена Юрьевна, это не ограбление? Стоило ехать через Европу и половину России, чтобы найти свою смерть!» Кроме любопытства по поводу загадочной кончины немки, Шведова в данный момент беспокоило еще одно – встреча с самой Ведерниковой, сон с которой все еще не выветрился из памяти, раздражая своей двойственностью. С одной стороны, он помнил то состояние кайфа, испытать которое можно, конечно же, лишь с любимой женщиной. С другой стороны, любимой женщиной Алена Юрьевна стать никак не может. «Или может?» – засомневался он вдруг, вспомнив об оставленной на стоянке в аэропорту машине. Оставил-то почему? Чтобы побыть с ней, пусть в тесноте авто, пусть слушая ее болтовню молча, но имея возможность без опаски смотреть на круглые колени, обтянутые телесного цвета колготами. Охальные мысли возникали пару раз, но с ростом скорости движения автомобиля прекратились – ему страшно стало за свою жизнь, появилось раздражение на гонщицу. Он успокоился, лишь когда они въехали в город, уж тут правил Ведерникова не нарушала. Расставаясь возле его дома, как вспомнил Шведов, он даже дотронулся до ее руки, видимо, благодаря за то, что не угробила... Вспомнил и как дернулась та, чуть не убив взглядом... И какая тут может быть любовь?

Нет, не нужны ему никакие серьезные отношения – проще жить, не обременяя себя и временных подруг общими бытовыми заморочками, дележом финансов и заботой о детях. «Кстати о детях... у Ведерниковой взрослая дочь, вполне так симпатичная девочка (с Ларкой, конечно, не сравнить). Родила же она ее от кого-то, папа имеется или так, прошел мимо?» – он понял, что ничего о личной жизни Алены Юрьевны не знает, не интересовался, незачем было. А теперь-то почему вдруг важно стало?

Вспомнив о Ларочке, улыбнулся – хваткая девочка и умная. Дай бог счастья... и почему ее Ведерникова так невзлюбила? Жаловалась Ларка, что та ее шпыняет за каждую пылинку и складку на постельном белье. Он даже поговорить с Аленой Юрьевной хотел, но не случилось, не успел, все оттягивал разговор, а потом и вовсе улетел в Хельсинки...

Шведов стоял уже в куртке, когда раздался звонок домофона. Увидев на экране искаженное монитором лицо Ведерниковой, мысленно чертыхнулся – помяни всуе, и вот...

– Доброе утро, – ответил он вполне приветливо и выдавил улыбку. – Я уже выхожу.

«Что-то не припомню, чтобы я заказывал машину с водителем в агентстве», – мелькнула мысль, и он тут же сообразил, что и такси вызвать забыл. Получалось, Алена Юрьевна подъехала очень даже кстати.

– Еще раз доброго утра, – Шведов посмотрел на женщину и удивился: выглядела она сегодня много приятнее, чем обычно, ярче, что ли. – Не стоило беспокоиться, заезжать за мной...

– Ничего личного, ехала мимо, – небрежно перебила та. – Вспомнила, что машину вы вчера оставили в аэропорту. Нам к следователю к одиннадцати, как выяснилось, можем съездить за вашим авто. По моей же вине вы свою «Тойоту» там ночевать оставили!

– Откуда знаете? – удивился Шведов, с опаской садясь на соседнее с водительским кресло.

– Простая наблюдательность. Проходя мимо стоянки, заметила ваш тоскливый взгляд... кстати, жертва с вашей стороны была напрасной, могли бы ехать на своей, поговорили бы и сегодня утром.

– Так зачем же вам понадобилось приезжать за мной в аэропорт? – искренне удивился он, проверив, хорошо ли пристегнут ремень безопасности.

– Считайте это добрым жестом с моей стороны. Тоже напрасным, – пожала Ведерникова плечами, заводя двигатель.

Этот день, начавшийся пробуждением от смутных сновидений с участием Алены Юрьевны и ее последующим реальным появлением, не мог не преподнести сюрпризов. Двигаясь на хорошей скорости, уже на подъезде к Царевщине, машина пошла юзом, вылетела на встречную полосу и, боком съехав по влажной земле в кювет, уткнулась носом в кусты. Шведов, выругавшись от души, повернулся к Алене. Та спокойно повернула ключ зажигания, улыбнулась Шведову виновато и попыталась открыть дверцу.

– Простите. Заклинило. Попробуйте с вашей стороны. Вылезу за вами.

Шведов, без труда выбравшись наружу, протянул руку, чтобы помочь и ей. Алена охнула, нога подвернулась, он едва успел подхватить ее, чтобы она не упала на землю.

– Простите, – она вновь бросила виноватый взгляд на Шведова, а он вдруг разозлился.

– Да что вы все извиняетесь! Колесо прокололось, с кем не бывает! Мы живы, а железо ваше починим! Давайте-ка, садитесь и ногу вот сюда, – он помог ей опуститься обратно на сиденье. – Я сейчас вызову аварийку и скорую.

– Не надо скорую, перелома нет. Ушиб сильный, пройдет и так.

– Уверены? В травмпункт бы нужно, – он с сомнением посмотрел на ее колено в разорванных колготах. – Нет? Ну, как хотите. Михалыч! – дозвонился он наконец. – Выручай. Небольшая авария у меня. Да, выйди на трассу из поселка, увидишь. Нет, не моя машина, синяя «Рено». Думаю, эвакуатор нужен и тут у меня раненый... до дома довезти. Да, до дачи. Хорошо, жду.

– Послушайте, Алена Юрьевна. У меня здесь, в Царевщине, – он кивнул на видневшиеся невдалеке дома, – дача. И автосервис друга. Сейчас они с сыном подъедут, заберут машину в ремонт, нас отвезут в мой дом. И не спорьте, это лучший выход из положения. По пути будет сельская амбулатория, ногу вашу осмотрят. Пока отлежитесь в доме, я на такси доеду до аэропорта, вернусь на своей машине, на ней и в город поеду.

Он замолчал, ожидая ее ответа. Алена согласно кивнула.

– Ваша? – он достал с заднего сиденья черную сумочку. – Держите. Мобильный где? А, вижу.

Он заметил телефон на коврике под водительским сиденьем, перегнулся через Алену, чтобы достать его. Алена вскрикнула.

– Простите, ногу задел? – Шведов разогнулся, держа в руке телефон. – Сожалею, похоже, он пострадал больше вас. Он протянул ей мобильный, экран которого был весь в трещинах.

Помогая Алене выйти из машины Михалыча у амбулатории, Виктор вдруг подумал, что та после двух «извините» не произнесла ни слова. «Шок? Не похоже, выглядит адекватной. Тогда чего ж молчит все время?» – он впустил ее в кабинет фельдшера и присел на стул в коридоре. Очередь из нескольких старушек сочувственно молчала. «В городе давно б уж обматерили сто раз за то, что вперед них полез», – подумал невесело, благодарно улыбнувшись всем сразу.

– Что, милоч, авария никак? Гляжу, Михалыч привез вас-то, – робко спросила по виду самая старшая.

– Да, небольшая. Колесо лопнуло, – ответил вежливо.

– Ну, ничего. Жене твоей сейчас наша Мария ногу подправит, хорошая у нас доктор, квалифицированная, – выговорила она трудное слово под одобрительные кивки односельчанок.

Он расслабился под нестройный шепоток старушек, видимо, обсуждавших происшествие, даже прикрыл веки, отдыхая.

– А вот и ваша, – раздалось у самого уха, и он стряхнул с себя сонливость и вскочил.

– Спасибо, что пропустили нас, – вновь поблагодарил Шведов и кинулся к открывающейся двери кабинета, чтобы помочь «жене». – До свидания, будьте здоровы.

– И вам не хворать, – ответил нестройный старушечий хор.

На душе у Шведова вдруг стало как-то светло и покойно. То ли сельский воздух на него так подействовал, то ли искренняя доброта бабулек, то ли догнало, наконец, чувство облегчения, что все страшное, что могло произойти, уже в прошлом. Алена по-прежнему молчала, позволяя ему поддерживать себя за талию и опираясь на его плечо. А он на минуту представил, что и на самом деле вот так, бережно, ведет любимую жену до машины, чтобы отвезти домой, уложить удобно на диван, под ее больную ногу подсунуть подушку, а самому метнуться в кухню сделать чаю им обоим, пережившим такое происшествие, аварию, можно сказать. А потом успокаивать друг друга, что все, мол, закончилось, они целы, и пусть это будет самой большой бедой в их еще такой долгой совместной жизни. А потом...

Шведов стряхнул с себя наваждение...

– Михалыч, я сейчас в аэропорт, там машину оставил вчера, и вернусь. Алена Юрьевна останется в доме. Магазин-то работает? Нужно заехать, еды купить. Я же с лета тут не был.

– Работает, заедем, – вот за что ценил Шведов своего старого приятеля – за немногословность...

В доме было тепло, котел автоматически поддерживал температуру на комфортном градусе, соседи присматривали за дачей круглый год, вовремя счищая снег с крыши дома и следя за газовым хозяйством.

Доведя прихрамывающую Алену до дивана, уложив удобно (ну, право, сцена из недавних грез), Шведов вышел в холл, там, в чулане под лестницей на второй этаж, хранился всякий хлам. Он нашел трость, которой пользовался много лет назад, сломав ногу, решив, что в его отсутствие Алене нужно будет хоть как-то передвигаться, мало ли! Прихватил и домашние тапочки...

– Как вы? Болит сильно? – он осторожно снял с забинтованной ноги сапожок.

Алена отрицательно помотала головой.

– Вы бы, Алена Юрьевна, сказали хоть слово! – с досадой высказал он, расстегивая молнию на втором сапоге. – А то молчите, словно не нога травмирована, а язык!

Он отвернулся, чтобы подвинуть столик ближе к дивану.

– Туалетная комната вон там, – он показал на арку, за которой начинался коридор. – Вот, палка вам в помощь, а я поехал. Есть захотите, пока круассаны и сок, вернусь, приготовлю что-нибудь посущественней.

Шведов развернулся было, чтобы уйти, но почувствовал, как холодные пальцы с силой сжали запястье.

– Не уезжай...

Замерев на мгновение, он обернулся на хриплый голос, взгляд его наткнулся на широко открытые глаза женщины, и он с ужасом заметил, что они полны слез. Испугавшись, не сделал ли что не так, не причинил ли боль, он рухнул на колени рядом с диваном...

И тут же ему ясна стала собственная суетливая торопливость, желание сбежать из дома хоть куда, а машина – что ж, постояла бы еще, но удобный предлог же, оправдывающий бегство! Просто не было уже сил смотреть на нее, Алену, ставшую вдруг так похожей на ту, из предутреннего сна. Не было сил сдерживать желание взять ее всю, вместе с ее паршивым характером, замашками сумасшедшей гонимой, взрослой дочерью, в единоличное пользование и что б никто никогда даже думать не смел в ее сторону! Ему, Шведову, выбрали ее в жены еще там, в коридорчике амбулатории, местные бабульки. Или, назначив их посланниками, кто-то свыше, кто знает, что ему нужно, лучше его самого...

– Не плачь, – он целовал мокрые глаза Алены, чувствуя, как блаженно покрывается мурашками кожа на шее, где сплелись пальцы ее рук. – Никуда я не уеду... ну почему же ты плачешь!

Он в отчаянии смотрел на нее, не понимая причины.

– Никто... никогда обо мне не заботился... все сама... я думала, так всегда будет, я уже привыкла, что так! А ты... ты, откуда взялся такой?!

Он счастливо рассмеялся, поняв все! Усмехнулся победно, вскочил с колен, подхватывая и ее. Нет, диван – не то место. Не было этого дивана в его сне! А вот женщина была эта...

Осторожно укладывая Алену на кровать в спальне, он уже не сомневался, что и эта квартира, полученная за долги от разорившегося партнера, и, как ни кощунственно думать, погибшая там немка, и эта авария – все это эпизоды их общей с Аленой жизни. Самое ее начало...

Глава 9

– Ты пойдешь со мной к следователю? – Шурка смотрел на нее с надеждой, Лизе стало его жалко, но она твердо ответила «нет».

Кроме коллоквиума, где присутствовать нужно обязательно, чтобы не заиметь проблем с преподом, была еще одна причина – она пока не решила, как общаться с Беркутовым. Делать вид, что не в курсах о родстве, или же, наоборот, броситься на шею с воплями «папочка, родной!». Этого она, конечно же, делать не собирается, но любопытно было бы заглянуть ему в глаза, чтобы увидеть там... что? О чем может сказать взгляд постороннего мужика, пусть и общей с тобой крови, которого ты знать не знала двадцать лет? В общем, не готова она, Лиза, пока встречаться с ним, никак не готова!

– Ты маленький, что ли, Шура, чтобы тебя за ручку водить? Обойдешься без меня. Вот черт! Мало того, что к коллоквиуму не готовилась толком, еще и опаздываю. Все, пока, – она вытолкала парня на лестничную площадку, заперла дверь и ринулась по ступеням вниз. Выбегая из арки, споткнулась и с изумлением уставилась на подхватившего ее парня. Это был тот незнакомец, что топтался вечером под их окнами.

– Что нужно? – невежливо поинтересовалась Лиза, осторожно высвобождая локоть из цепких пальцев.

– Ничего. Вы бы упали... – он отпустил ее, но рук не убрал.

– Спасибо, – она нахмурилась: показалось, тот готов схватить ее вновь, стоит ей лишь двинуться с места. Но раздумывать было совсем некогда, Лиза заспешила к остановке, к которой уже приближалась маршрутка.

Вспомнила о нем лишь после третьей пары, освободив мысли от учебы. И даже не удивилась, заметив его у выхода из универа. Девушкой Лиза себя считала симпатичной, трезво оценивая стройную фигурку и личико с правильными чертами и яркими голубыми глазами, – главным своим украшением. Но была уверена: чтобы сразить мужскую особь наповал, да еще и заставить вот так нагло преследовать, мало быть просто заметной. Нужно быть красивой броско, ступать поступью уверенной в своей красоте женщины, а не шмыгать мимо мужчин в кроссовках и джинсах унисекс. А потому вновь задалась вопросом: чем заслужила внимание такого, можно сказать без преувеличения, красавца. Говоря иначе, чем могу быть полезна, сэр?

– Ну? – озвучила она свои мысли, несколько упростив словесно и с насмешкой глядя на парня.

– Добрый день, Лизавета, – улыбнулся тот мягко, а Лиза с удивлением отметила легкий акцент в очень четко выговоренной фразе.

– Добрый, – решила она не отшивать его сразу. – Вижу, мое имя и адрес вам известны. С какой целью интересуетесь мною, можно узнать?

– Скажу прямо, можете не верить – причина банальна: вы мне нравитесь. Очень.

– Ну, я как-то так примерно и подумала, – произнесла Лиза задумчиво. – А имя у вас есть?

– Герман Волошин. Проще – Гера. Перейдем на «ты»?

– Согласна, – Лиза подумала, что со смертью фрау Марты стала слишком подозрительной.

– Ты домой? Могу я тебя подвезти? – он сделал жест в сторону автостоянки, и Лиза согласно кивнула.

«Вот по дороге и узнаю, как это вас, Герман Волошин, угораздило так вляпаться? Нет, ну бывает, конечно... но не в моем случае!» – она шла за ним, одетым в короткую куртку, явно приобретенную в бутике, потертые в нужных местах джинсы, белоснежные кроссовки, и

ожидала увидеть нечто вроде «Майбаха» или, ладно, «Инфинити», и очень удивилась, когда тот открыл перед ней дверцу «Хендай Солярис», да еще с эмблемой каршеринга.

– Герман, ты не местный? – задала она вопрос напрямую, усаживаясь на переднее сиденье.

– Да, в городе несколько дней. Я живу в Каунасе.

– Вот откуда у тебя акцент... Давай так. Ты мне рассказываешь о себе, затем делишься, как это я так вот тебе вдруг понравилась. Очень, – она хмыкнула. – А потом мы вместе решаем, что делать дальше.

– Как скажешь. Однако предлагаю продолжить... хмм... собеседование в кафе. Правда, Лиза, есть очень хочется – караулил тебя несколько часов, боялся, сбежишь после первой пары, опять придется под окнами твоими бродить!

Лизино сердце смягчилось, она расслабилась. Что-что, а не любила она, когда юлят и попусту комплиментами сыпят.

– Тогда поехали, покажу кафе, где просто, недорого и вкусно, – махнула она рукой, указывая прямо. – На светофоре направо.

Герман послушно кивнул, поворачивая ключ зажигания. Вел машину он уверенно, соблюдая правила, и Лиза подумала, как это их так в «европах» приучили к аккуратности, штрафами, что ли? До сих пор Лизина мать, подвозя ее, предупреждала: «Пристегни ремень, за поворотом наши стоят». «Наши», то есть сотрудники ГИБДД, где она когда-то служила. Правда, давно очень, когда Лизы не было и в проекте.

Они с трудом отыскивали свободный столик в дальнем углу зала, время было обеденным, офисный планктон из соседнего здания выполз перекусить, гомотия громко и привлекая внимание друг к другу, – а что, круто! Начальства, что знает тебе цену, рядом нет, можно и показать свою «значимость».

– Клерки? – Герман с сомнением огляделся, видимо, пытаясь определить уровень заведения, а Лиза внутренне усмехнулась: «Что, не по чину забегаловка?», но вслух ответила:

– Что-то вроде. Рядом офисный центр. А ты чем-то занимаешься? Или родительские деньги проживаешь? – получилось грубо, даже по-хамски, и Лиза смутилась.

– Нет, – рассмеялся Герман. – Не проживаю. У нас семейный бизнес, работаю у отца – да. Но вполне обеспечиваю себя. А у тебя какие планы? Я понял, юристом готовишься стать?

– Да, – ответила она односложно. – Мы договаривались, что ты сначала расскажешь о себе!

– Хорошо. В семье я единственный ребенок, мама не работает, отец держит сеть небольших отелей. Здесь я, можно сказать, ищу возможности сотрудничества.

– Именно в нашем городе?

– Не только. Я был в Москве, Рязани, Твери, – он немного удивленно посмотрел на Лизу. – Можно один вопрос? У тебя есть какие-то личные причины не доверять мужчинам?

– Нет, ничего личного. Просто в последнее время... впрочем, неважно. Вон, заказ, наконец, несут, – кивнула она на официантку, пробирающуюся к ним между столиками с полным подносом.

Краем глаза она наблюдала за Германом, который не очень ловко вылавливал из горшочка пельмени, используя вилку. Соус, поданный в отдельной плошке, он и вовсе проигнорировал. «Никогда так не ел? Такое впечатление, что не знает, с какого бока подступить. Странно, была в Риге, там в кафе русская еда не редкость», – она отвела взгляд.

Герман ей немного нравился. Да, обаятельный мужчина и взрослый. Признаться в этом даже себе было для Лизы сложно, как строить с ним дальше беседу, она не представляла и решила, что пусть уж он как-то сам ее развлекает. В меру своего умения. А сейчас она доест пельмени и позвонит Шурке, который, по ее подсчетам, должен бы вернуться от Беркутова с

новостями – успокоенный либо наоборот. Кстати, и мамочке пора бы объявиться – с утра она собиралась отвезти к Беркутову Шведова.

Образ неожиданного отца то и дело всплывал в памяти, Лизе вдруг подумалось, что узнать о нем хочется несколько больше, чем выдала накануне матушка почти что под пытками. Обиды, что не заплетал косички и не помогал с уроками, не было – он не виноват в этом! Матушку упрекать, что сбежала беременная от него, бессмысленно – причину та не назвала, но была же она! Справедливо будет, не ссорясь с ней, все же наладить с Беркутовым контакт, пусть даже и руководствуясь чистым любопытством.

– Лизавета, ты о чем-то задумалась, – голос Германа вернул ее к действительности.

– Да, ты прав. Мне нужно сделать пару звонков, не обидишься? Я выйду на улицу, здесь шумно.

– Хорошо, я пока рассчитаюсь, – он поднял руку, и тут же к нему поспешила официантка.

Лиза, выйдя из кафе, отошла в сторону. Набрала номер матери, но та была «вне зоны доступа». Шурка же отозвался сразу, словно сидел дома у телефонного аппарата и ждал ее звонка.

– Ну, как? – она не успела продолжить вопрос, как Шурка взволнованно затараторил. – Я поняла, не трещи так быстро! Телефон твой раздавили? Каблуком... И зачем это? Понятно, симку же ты нашел вчера и выкинул, толку-то от нее, разломанной. Как это, забыл сказать? Шура! Ладно. Ты купил трубку новую? Хорошо, отзовишься, я сохраню номер. Уже? Ну, не отвечала, на лекциях была, наверное. Что ты меня допрашиваешь? – Лиза уже собралась отключиться, думая, что друг все выложил, как тот произнес имя Марты Эрбах. – А что с ней не так? Почему ты считаешь, что она уже что-то узнала? Должна была встретиться сегодня... А кто такой этот Карташов? Понятно. Теперь-то, конечно, свидание его с фрау Эрбах никак не состоится! Если у этого историка была для нее какая-то инфа, Беркутов будет копать в этом направлении. Шура, скоро я буду дома, поговорим. Пока! – краем глаза она заметила Германа, стоящего в нескольких метрах от нее. «Ну надо же, я о нем совсем забыла!» – удивилась она и направилась к нему, навесив на лицо извинительную улыбку.

Глава 10

– Сергей Сергеич, вы присаживайтесь, – Беркутов указал Карташову на стул, а сам пересел из своего кресла на соседний.

– Вы заметили, Егор, что встречи наши, мягко скажем, почти всегда по печальным поводам? – вздохнул тот, раскладывая перед собой содержимое папки, которую принес с собой.

– Что вам мешает чаще приезжать к нам на чай с плюшками? – улыбнулся Беркутов.

– Я-то приезжаю! Только плюшки, как вы изволили выразиться, мы с Галочкой потребляем в большинстве случаев вдвоем, без вашего присутствия! – рассмеялся в ответ тот. – Но не буду отнимать вашего времени, давайте о серьезном. Вот тут распечатки переписки с Куртом Зигелем, моим немецким другом. Да вы его знаете! Конечно, этот хитрец никогда сразу полностью информацию не выдает! Но исключительно для того, чтобы не лишать меня возможности покопаться в теме самому!

На этот раз он и сам в полном неведении. Уж очень загадочно повела себя Марта Эрбах, обратившись за помощью. Вот, Егор, посмотрите, я здесь выделил цитаты из писем ему фрау Эрбах. Перевод на русский самого Курта.

– «Мне бы не хотелось, чтобы вы, Курт, заранее поднимали архивы здесь, в Германии, пока я не вернусь из России хоть с какими результатами. На этот момент мне нужно от вас лишь одно – порекомендовать компетентного в вопросах составления родословной историка в городе Самара. У вас такой имеется?» – зачитал Беркутов. – Понятно, что Зигель рассказал о вас.

– Да. Это письмо от девятнадцатого апреля. В это время, как я теперь знаю, она находилась в Москве. Прочтите еще чуть ниже.

– «О своей поездке в Россию я никого, кроме своего поверенного Петера Шульца, в известность не поставила, для всех я в длительном путешествии по Европе», – Беркутов удивленно посмотрел на Карташова. – Пока я не очень понимаю, к чему такая секретность?

– Признаюсь, этим же вопросом задался и я. Далее она сообщает Курту, что собирается просить меня помочь ей в поисках родного человека. Я, признаюсь, не очень понял, как я могу помочь в поисках мифических родственников, не имея никаких исходных данных.

– Марта Эрбах жила в Москве неделю, в Самару она прибыла двадцатого апреля.

– Понятно. То есть фрау Эрбах, видимо, знала, что ее родственник или родственница проживали в Москве. Затем выяснилось, что следы ведут к нам в город. Значит, по крайней мере, фамилия и имя ей известны.

– Скорее всего, искала Марта Эрбах женщину.

– Да? Почему вы так решили?

– Два свидетеля: горничная и ее друг переводчик, которые плотно общались с ней в эти дни, утверждают, что та показывала им медальон с фотографией молодой женщины. Снимок старый, пожелтевший. На крышке медальона выгравированы две русские буквы «к» и «ш».

– Интересно! А фотографию вынимали? На обороте что-то написано? Где этот медальон?

– Почему вы решили, что там должно быть что-то написано?

– Обычно снимки подписывали, – пожал плечами Карташов. – Имя, даже дата, возможно. Что мешает проверить?

– Медальон пропал, Сергей Сергеич. С места преступления его забрал переводчик. Парень обнаружил тело женщины, испугался и убежал. Зачем прихватил, по его словам, сам не знает. Медальон спрятал в заброшенном сарае. Но, когда они с подругой пришли его забрать, на месте не нашли.

– Неужели за ним кто-то следил? Тогда этот человек и есть убийца!

– Вам, Сергей Сергеич, давно пора к нам в отдел! – улыбнулся Беркутов, вставая. Достав из папки, лежащей на столе, рисунок, положил его перед Карташовым. – Зарисовал сам парень по памяти. Размеры приблизительные, на глаз.

– Весьма объемная вещица. И что, он даже не открыл его? Внутри, кроме фотографии, могло быть еще что-то!

– Я тоже предположил, что вполне бы поместился небольшой предмет. Ключик, например. Но он утверждает, что накануне фрау Марта сама открывала медальон и показывала ему и горничной снимок. Девушка подтвердила это. Но ничего, кроме фотографии, закрепленной небольшими «ушками», внутри не было.

– Ах, как жаль! Если бы на обороте снимка было бы имя... Мне было бы от чего оттолкнуться. А так я пока не представляю, как начать. Вне сомнений, преступление связано с поисками родственницы... В связи с трагическими обстоятельствами Курт Зигель, если ему известны какие-то факты, не станет скрывать их от меня. Да-да! Первое, что нужно сделать – получить от него информацию. Все о немецких родственниках фрау Эрбах.

– Надеюсь на вас, Сергей Сергеич.

– Да, вот еще хотел спросить. А горничная с этим молодым человеком никак не могли быть в сговоре? Возможно, бредовая версия...

– Я не исключаю такого варианта, – помрачнел Беркутов, вспомнив Лизу.

– Понял. А кто будет забирать тело? Уже известно, кто приедет?

– В четверг прилетает племянник с семейным юристом. Кажется, по завещанию покойной, он является единственным наследником. У нее детей не было, замуж не выходила. В любом случае, с наследственными связями разобраться нужно. Наверняка ваш друг знает родословную Эрбахов. Наши официальные запросы – дело не быстрое, сами понимаете.

– Все ясно, Егор Иванович. Сегодня же свяжусь с Куртом, – Карташов посмотрел на наручные часы и поднялся. – Успехов вам, супруге – поклон.

– Сергей Сергеич, возможно, это дело передадут другому следователю. Буду просить, чтобы Артему Кораблеву, вы его знаете.

– Могу спросить, отчего вдруг? – Карташов смотрел удивленно и встревожено.

– Именно оттого, что ваша версия с горничной и ее другом может оказаться единственно верной. А Елизавета Ведерникова, как я узнал только вчера, моя родная дочь...

Глава 11

Лиза вбежала по лестнице на второй этаж, повесила рюкзак на перила, стукнула ногой в Шуркину дверь и вставила ключ в замок своей двери. Пока открывала, Шурка вышел на лестничную площадку.

– Идем! – Лиза зашла в квартиру. – Рюкзак мой прихвати. Голодный?

– Нет, дома поел, – Шурка выглядел уставшим. – Ты ешь, я посижу с тобой.

– Я тоже ела. В кафе, пельмени.

– Одна? – Шурка подозрительно покосился на нее и, не дождавшись ответа, направился на кухню. – Чайник поставлю.

Лизе никак не хотелось рассказывать Шурке о новом знакомом, но и врать друг другу у них принято не было. Она могла лишь оттянуть время ответа, пока переодевалась и мыла руки в ванной комнате.

– Ветка, колись, с тем хлыщом, что вчера тут маячил, познакомилась? – Шурка не оставил ей ни малейшего шанса.

– Да. Странный парень, говорит, что просто понравилась, – Лиза старалась говорить небрежно, как о чем-то незначительном.

– Ну да... похоже на правду, – задумчиво произнес Шурка, а Лиза вдруг обиделась.

– Что уж я такая уродка, что и не могу вызвать мужской интерес? Ты, Шурец, хотя бы сделал вид, что ревнуешь! – разъярилась она, отключая закипевший чайник. – Пей свой чай и проваливай.

– Ветка, ты что?! – натурально перепугался тот. – Я не об этом. Подозрительно как-то все. Зачем под окнами-то стоять? Тем более в такое время. У соседей бы спросил, кто такая, тут тебя все бабки знают.

– Не все такие наглые, как ты, чтобы к чужим людям с вопросами лезть.

– Ты уж определись, кто наглый. Это он к тебе на улице пристал, так понимаю, а не я!

– Тебе и приставать не надо, и так как банный лист всю жизнь! Ладно, не о том думаешь. Если ты еще не понял – мы с тобой оба под подозрением. И тот факт, что следователь вроде как отец мне, ничего не значит. Что-то тут не вяжется, Шурка. Мотив должен быть у убийцы. То, как он попал в дом, да еще в квартиру, вообще не представляю! Камеры везде. Если засветился убийца, и его найдут – совсем хорошо. А если не найдут? Если он сразу из страны выехал? Иностранец, немец, например?

– Детективов начиталась? На фига тащиться за старушкой в такую даль, чтобы убить? Он что, не мог ее в собственном замке грохнуть? Там, на родине? Не охраняет же ее рота гвардейцев как королеву?

– Королева в Англии, Шурец, в Германии – канцлер.

– Не придирайся! При любом раскладе убийцу в первую очередь ищут среди тех, кому выгодна смерть, то есть наследников. Кто у нашей фрау наследники? Мне она говорила, детей у нее нет.

– А мне, как ты понимаешь, она могла хоть всю свою родословную до основателя рода упомянуть, я все равно бы ничего не поняла, – буркнула Лиза. – Давай, Шурка, расследования оставим Беркутову, но ты мне сейчас расскажешь, где ты вчера шлялся полдня, пока не позвонил мне!

Она с удивлением и разочарованием слушала, как густо покрасневший вмиг друг детства, суется и пряча глаза, лепечет что-то про то, как мерз на скамейках парка и набережной, пока не открылись магазины и кафе. Как прятался потом в подъездах домов в одном из спальных районов города, куда доехал на трамвае под номером пять и как, не выдержав, все же вернулся и позвонил ей. Шурка врал, а Лиза не могла понять, почему. Доверяя ему, зная его патологиче-

ское неприятие лжи, его странную для других, но любимую ею привычку биться за правду даже в ущерб себе, сейчас была поражена этим его враньем. Лиза подумала, что легче перенесет и простит измену любимого человека, чем эту, навороченную для нее Шуркой, гору неправды.

Она отвернулась к окну, чтобы скрыть выступившие слезы. Шурка замолчал, дотронулся до ее руки, Лиза непроизвольно дернулась.

– Ветка, не обижайся. Не могу я тебе сейчас рассказать, где был. Мне нужно... время.

– Врал-то зачем? – она в упор посмотрела на него.

– Так вышло, прости.

Ни одной нотки раскаяния в его голосе Лиза не уловила. «Мать права. В жизни можно полагаться только на себя. Поэтому всю жизнь одна?» – подумала она, вновь отворачиваясь к окну и тут же в изумлении вскочив со стула: из припаркованной у арки машины, бережно поддерживаемая Шведовым, выбиралась мать. Левая нога ее была забинтована, правой рукой она держалась за мощную шею мужчины.

– Шурка, там мама! У нее, похоже, нога в гипсе! – она выбежала в прихожую. – Давай за мной...

После подробного отчета о происшествии Шведов уехал, Шурка ушел к себе, Лиза же, уложив родительницу в спальне и убравшись на кухне, задумалась. Получалось, в их тихом семействе замутились события, связанные с мужским полом (Шурка не в счет). Мало того, что у нее самой появился неожиданный ухажер, нашелся папочка, так еще Шведов так смотрел на мать, что Лизе рядом с ними вдруг стало неловко находиться, словно она лишняя. Но самое удивительное было то, что и матушка бросала на Шведова стыдливые взгляды.

– Лиза! – донеслось из спальни, и она поспешила на ее зов.

– Да, мама, что-нибудь нужно?

– Присядь. Ты меня знаешь, я не люблю недомолвок. Поэтому говорю сразу – мы с Виктором Петровичем решили жить вместе. На днях я перееду к нему. Ты не против?

– Неожиданно... Мама, а как же его молодая любовница? Неужели выгнал?

– Ты о Ларисе? – матушка улыбнулась, а Лиза с удивлением отметила, как преобразилось вмиг ее лицо.

...Сколько Лиза себя помнила, мать никогда не была с ней ласкова. Разговаривая с дочерью строго, часто повышая голос, когда дочь упрямо гнула свое, она могла при случае наказать и многодневным молчанием, что для маленькой Лизы было самым страшным. Дома становилось тихо, мама молча кормила ее завтраками, ужинами, проверяла уроки, указывая на ошибки пальцем и презрительно качая головой. Лиза в такие моменты была готова расплакаться, но тоже молчала. А потом приходила тетя Нелли, что-то выговаривала подруге на кухне, после чего Лиза успокаивалась – она знала, что наутро будет все по-прежнему. Став старше, Лиза перестала заморачиваться по поводу маминых молчаливых протестов, равнодушно переживая воспитательную паузу. Постепенно ссориться они перестали совсем, каждая жила своей жизнью, пересекались редко, вместе проводили время, исчисленное порой минутами: «привет-пока». Близости не было, секретами Лиза делилась с Нелли, вплоть до отъезда той за мужем в Германию. Поэтому то, что в день убийства Марты Эрбах Лиза со слезами бросилась к матери на шею, а та ее обняла, успокаивая, явилось неожиданностью для самой Лизы. И, как думалось ей, для матушки тоже...

– Именно о Ларочке. Отношения между ними были явно нежными, – Лиза наблюдала их вместе только раз, но понять, что эти двое никак друг другу не чужие, было несложно.

– Лариса – родная племянница Виктора, дочь старшей сестры. Он опекает ее, своих детей у него нет. Да, характер у девушки сложный, сюрпризы преподносить умеет. Вот и замуж вышла, не посоветовавшись ни с кем. Виктор живет один. Переехав к нему, я не ущемлю ничьих интересов.

– Я рада за тебя, мама! – вполне искренне сказала Лиза. – Только у меня один вопрос – как быть с Беркутовым?

– Да уж, вопрос... Что ты от меня хочешь услышать? Никаких чувств к нему нет уже давно. Хотя любила его, не спорю. Да, он твой отец. Да, я виновата, что скрывала это от тебя. Прощения просить не буду. Так сложилось. Если хочешь, поддерживай отношения. Я разговаривала с ним сегодня, сказала, что ты в курсе вашего родства. Знаешь, – она ухмыльнулась, – а он обрадовался! И, по-моему, уже рассказал о тебе жене. Думаю, он позвонит тебе сам. А ты действительно на него очень похожа, Лизок. Говорят же, если любить отца, ребенок будет в него. Так и есть! Ладно, я сегодня отлежусь, все дела – на завтра. Поухаживаешь за мной?

– Конечно, мама. Тебе что-нибудь принести?

– Ноутбук и чашку кофе. Посмотрю документы, чтобы не терять время. Машину сделают к четвергу, возить меня по городу пока вызвался Виктор. На завтра у меня два клиента, оба помещения в центре, под офис, на первых этажах.

– Хорошо, сейчас принесу.

– Да, Лиза, еще одно. Беркутов решил отказаться от расследования убийства Марты Эрбах.

– Почему?! – Лиза в изумлении обернулась к матери.

– Он мотивировал отказ тем, что в деле фигурирует, хотя и как свидетель, его родная дочь.

– Вот как... он меня в чем-то подозревает? – ей на миг стало не по себе.

– Не думаю. Но он считает, что Шурка что-то недоговаривает. Или откровенно скрывает. Может быть, ты в курсе, так ли это?

– Нет, – односложно ответила Лиза, отворачиваясь.

«Так и есть, темнит Шурка. Не одна я подозреваю это. Почему? Возможно, старушка успела ему что-то рассказать о цели своего приезда в наш город? Что-то такое, о чем просила молчать? Да, такое объяснение самое безобидное. Или... Не мог ли он вляпаться во что-то серьезное? Убить не убил, а убийцу видел? Не поэтому ли и сбежал, испугавшись?» – Лиза решила поговорить с Шуркой сейчас же, не откладывая.

Она отнесла маме ноутбук и кофе, тихо вышла на лестничную площадку и позвонила в квартиру напротив. Шурка дверь не открыл. Лиза набрала на мобильном его новый номер, но вызов тут же сбросили. Вернувшись к себе, взяла ключ от квартиры Огореловых.

Она обошла все три комнаты, кухню, заглянула в ванную. Шурки нигде не было. На кухне в раковине лежала грязная посуда, стол был усыпан крошками. Беспорядок в Шуркиной комнате был обычным, но Лиза отчего-то не спешила оттуда уходить. Чего-то не хватало. Оглянувшись, она задержала взгляд на письменном столе – не было ноутбука Шурки. Она открыла шкаф – скудный гардероб друга отсутствовал полностью. «Сбежал! Идиота кусок!» – разозлилась она, возвращаясь к себе. В том, что Шурка Огорелов таки влип в нехорошую историю, Лиза более не сомневалась.

Глава 12

Шведов потоптался в прихожей, словно не понимая, зачем он здесь. Было бы объяснимо, если бы дом был чужим, а он забрел в гости, так, на чай. Но в том-то и дело, квартира его, жил он в ней уже много лет, поначалу с женой. А сейчас любил холостяцкий свой быт, изредка нарушаемый временными подругами или Полиной. Сестра нечасто, но систематически приходила вычищать «авгиевы конюшни», казавшиеся ему лично идеально чистыми. Но после ее уборки он вытаскивал на помойку несколько мешков мусора и старого барахла, перевязанных ею веревочками. Где-то она его находила, этот хлам, поэтому он был ей молчаливо благодарен.

Шведов шумно втянул воздух – пахло чистотой, почти стерильной свежестью, значит, Полинка провела генеральную уборку.

Он все же скинул ботинки и куртку и прошел сразу на кухню. На столе, на блюде под льняной салфеткой высилась горка пирожков. Рядом лежала записка от сестры. «На удивление мало грязи. Поздравляю, растешь в моих глазах, братишка. Мешок с мусором унесла сама, не ищи, с тебя станется. Сможешь – позвони вечером, нужно поговорить. Р. S. Пирожки с мясом и рисом, как любишь», – прочел он четкий учительский почерк, волна тепла накрыла его, и он немного расслабился. Да, душа (она, оказывается, есть!) рвалась назад, в Царевщину, в старый дедовский бревенчатый дом. Сегодня там произошло чудо – он нашел себя, потерянного когда-то давно, еще в случайном браке с Ликой.

Он, Витя Шведов, сын мастера производства номерного завода, внук деревенского плотника, умудрился жениться на первой красавице курса Анжелике Поплавской, дочери начальника строительного треста, в годы перестройки подмявшего под себя большую часть строительного бизнеса области. Со временем мелкие фирмы тот распродал, оставив себе стабильно дающую прибыль и не требующую больших вложений компанию. Лику папочка любил безумно. Мать ее давно была изгнана из дома с позором за измену, и он воспитывал дочь один, днем доверяя ребенка лишь пожилой няне, почти члену семьи. Шведов не был влюблен в будущую жену, считая их отношения легкой интрижкой, но Лика всерьез назначила его в мужья, озвучила свои планы папе, и Шведов сам не понял, как оказался за пышным свадебным столом. Жил в терпимости, поглядывал на сторону, в открытую не изменяя: себе дороже, если узнает тесть. Разбежались они с Ликой по обоюдному согласию, успев потрепать друг другу нервы.

Последние годы Шведов бывшую жену не вспоминал. А вот сейчас вдруг вспомнил, сравнил с Аленой и ужаснулся, сколько лет в нелюбви потеряно, прикинул тут же – много еще впереди осталось для счастья, успеет ли?

Поэтому и топтался в прихожей – решал, стоит до завтра ждать или уже сейчас поехать к ней и забрать сразу к себе, пока не передумала. Он набрал ее номер, Алена сонно ответила, он застыдился, что потревожил, торопливо простился до завтра. О том, что позвонить просила Полина, вспомнил лишь к вечеру.

– Полинка, привет. Случилось что? Хорошо, завтра заеду. Точно все в порядке? Я не паникую, нет. Голос твой мне не нравится! Да, пирожками поужинаю, спасибо, – отключившись, Шведов посмотрел на часы: без десяти восемь. Вспомнив, что в Краснодаре московское время, набрал номер Ларисы. Долгие гудки без ответа насторожили его. Уж ему-то Ларка отвечала сразу, без промедления. «Хотя девушка у нас теперь при муже, семья у нее, блин!» – подумал с легкой обидой на племянницу. Вот и замуж выскочила в его отсутствие незнамо за кого, а он думай, все ли хорошо у нее с чужим мужиком, которого он видеть не видел!

Он уже укладывался спать, когда услышал мелодию звонка Полины. Он сначала не понял ничего. О какой больнице идет речь и при чем здесь полиция. Но то, что он сумел услышать сквозь всхлипы сестры, повергло его в шок. Через несколько минут Шведов уже мчался к ее дому...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.